

Князь сердца моего

Автор:

[Елена Арсеньева](#)

Князь сердца моего

Елена Арсеньевна Арсеньева

Сердце Ангелины подчинила себе неистовая страсть к князю Никите Аргамакову. Однако возлюбленные разлучены: война 1812 года охватила Россию, и ее кровавая рука достигла даже провинциального городка, где безмятежно живет Ангелина. Она похищена, насильно увезена во Францию... Девушку перепродают друг другу сластолюбивые мужчины. И только нечаянные встречи с возлюбленным вселяют в нее силы, помогают выдержать разлуку, насилие, унижения, потери – и вновь обрести свое счастье!

Книга также выходила под названием «Златовласая амазонка».

Елена Арсеньева

Князь сердца моего

Кто, кроме сердца, даст любви закон?..

С. Глинка

Часть I

Звезда злкрылая

СЕРОГЛАЗЫЙ ВОДЯНОЙ

Май едва перевалил за середину, но жара установилась нестерпимая, так что Волга у песчаных отмелей насквозь прогрелась. Воздух был напоен острым духом цветущей по берегам дикой смородины и будоражил душу. Серебряные листья тальника трепетали под легким ветерком; заливался в вышине жаворонок, и Ангелина, раскинув руки, выгнулась, едва не касаясь воды распушенными золотистыми локонами, ощущая, как счастье пронизывает ее каждым лучом солнца, каждой трелью, льющейся с небес. Твердые ребрышки песка щекотали подошвы. Ангелина осторожно плеснула на себя воду и провела влажными ладонями по белому взопревшему телу, наслаждаясь своей нежной кожей, налитой грудью, длинными ногами, очертания которых в прозрачной воде двоились, словно рыбий хвост. Нет, русалочий хвост!

Ангелина расхохоталась и решила, что, ежели невзначай кто чужой покажется, она прикинется русалкою и уплывет к другому берегу, скроется там среди тальников. Именно в таких зарослях и живут речные владычицы, которые всегда охочи приласкать неосторожного купальщика, да так, чтобы забыл он белый свет, опустился в их объятиях на дно. А кому нужны неосторожные купальщицы вроде Ангелины? Осклизлому, зеленобородому старику-водяному? Нет, бывалошные люди сказывают, будто водяной стар лишь на ущербе луны, а при рождении ее он молод.

Хоть и уверяла себя Ангелина, что бояться нечего, а все же ойкнула, когда длинное стройное тело почти без брызг врезалось в воду, прочертило за собой сверкающий след; вот из волн поднялась мокрая голова, встряхнулась, отбрасывая с лица светло-русые пряди, и серые насмешливые глаза глянули на Ангелину вприщур.

Казалось, этот взгляд длился долго-долго, и что-то произошло с миром в эти мгновения, и Ангелина даже вскрикнула, осознав, что прежнее ощущение счастья было подобно легкому дуновению ветерка перед тем бурным смятением чувств, которое обрушилось на нее и потрясло все существо.

От изумления («Надо же, накликала!») она забыла даже завизжать и стояла недвижимо до тех пор, пока «водяной» не воспрял из волн во весь свой немалый рост и не встал рядом.

Он был обнажен по пояс, и от никогда прежде не виданной красоты и гармонии стройного юношеского тела у Анжелины приостановилось сердце, а потом забилося так торопливо, что она стала задыхаться. Капельки воды переливались на гладких прямых его плечах, кожа была золотистая, чуть тронутая первым весенним загаром, а вовсе не зеленовато-бледная, какая подобала бы повелителю речных глубин. И от бедер его не змеился чешуйчатый рыбий хвост, а в воду погружены были обыкновенные ноги, совсем по-человечьи обтянутые белыми полотняными мокрыми исподниками.

Как ни была простодушна Ангелина, она все же сообразила, что никакой перед ней не водяной, а такой же купальщик, как и она, с тою лишь разницей, что незнакомец, пусть и прекрасный, все-таки мало-мальски одет, а вот она-то стоит перед ним голым-голешенька!

Самое время было завопить и спугнуть охальника, но горло у Анжелины почему-то пересохло, а ноги отнялись. Она только и смогла, что глубоко вздохнуть, когда незнакомец приблизился, неотрывно глядя ей в глаза, причем взор его сделался вдруг недоверчивым, изумленным, а дыхание участилось так, что Ангелина увидела, как мелькает, пульсируя, жилка на его сильной шее, кожа незнакомца покрылась ознобными пупырышками, а крошечные соски на великолепно вылепленной груди затвердели... точь-в-точь как у нее самой, смятенно поняла Ангелина и попыталась хоть грудь прикрыть, но не смогла шелохнуться: только обреченно закрыла глаза, когда губы незнакомца дотронулись до ее губ.

Сначала это было лишь осторожным касанием, но уже через мгновение вся их кровь, гонимая бешеным стуком смятенных сердец, прилила к губам, и они затрепетали, пробуя друг друга на вкус, дрожащие языки делались все смелее, рты алчно засасывали друг друга.

Ангелина пошатнулась, когда пальцы незнакомца повторили очертания ее груди, а потом так же неторопливо, дразняще, сводя с ума, поползли по животу к ногам.

Чтобы не упасть, ей пришлось за что-то схватиться. Под ладонями оказалось мокрое полотно, и Ангелина краешком затуманенного сознания поняла, что это чресла незнакомца. Отдаваясь поцелую, она ухватилась за мокрую ткань, но пальцы ее соскользнули, поползли по животу юноши, а внизу этого плоского мускулистого живота наткнулись на твердую выпуклость, которую Ангелина с любопытством ощупала. Незнакомец обморочно застонал, не отрываясь в поцелуе от ее губ, и, подхватив девушку на руки, понес на отмель, прогретую насквозь, так что пылающее тело Ангелины не ощутило ни малейшего холода, только по бедрам провели чьи-то прохладные ладони, но не остудили внутренний жар, а распалили ее до полного самозабвения, до того, что она, повинувшись древнему темному зову, бессознательно развела ноги и выгнулась, желая сейчас одного: встречного движения мужского тела. И незнакомец ответил на ее зов.

– ...У нас в Нижнем купцы считают, что ученье – баловство, а для дочерей – даже вредное занятие, но Ангелина получила изрядное образование. Что же до прочего... Жизнь в глухой деревне мало простору дает для светского воспитания, – рассказывала гостье княгиня Елизавета Измайлова, – а к Смольному душа у девочки никогда не лежала из-за суровости тамошних порядков. Впрочем, к чему обременять вас нашими заботами?..

Гостья-француженка понимающе посмотрела на княгиню своими миндалевидными темно-карими глазами. Дивный разрез этих ярких глаз позволял предположить, что и все лицо маркизы д'Антраге было очаровательно до того, как его изуродовала сабля какого-то санкюлота[1 - «Бесштаные» – так гордо именовали себя восставшие парижане во время революции 1789 года.], опьяневшего от безнаказанности и крови, – одного из тех, кто косил головы своих жертв по Парижу. Маркиза чудом осталась жива, но вот уже более двадцати лет принуждена скрывать свое изуродованное шрамом лицо подобием чадры – столь изящной и сшитой из такой прозрачной кисеи, что она казалась необходимым дополнением элегантного туалета.

Маркиза д'Антраге умоляюще сложила руки:

– Не могу не принять близко к сердцу того, что касается дочери моей дорогой подруги! Были ли у нее домашние воспитатели?

– Как не быть? – почти обиделась старая княгиня. – Медамов и мосье перебивало – бессчетно! Вы же знаете: в наше время стоит лишь зваться французом, чтобы

заслужить доверие знатных фамилий, однако учителями они были столь ничтожными, что физиономии и имена их совсем вышли из памяти!

Тотчас же княгиню бросило в жар от собственной бестактности, однако сказать что-то во исправление сего она не успела.

– А как же не выйти? Бежать от революции сделалось доблестью высших слоев, и вся Россия теперь покрылась пеною, выброшенной французской бурей, – слышался с порога звучный голос, и князь Алексей, высокий, худой, с орлиным носом, седыми бакенбардами и благородным лицом, по-молодому проворный и не по годам статный, вступил в залу, отвесил небрежный поклон дамам и продолжал свою речь, не заботясь представиться незнакомке.

«Le provincial vrai!»[2 - Воистину провинциал! (фр.)] – подумала гостья, однако жизнь научила ее сдержанности, потому она даже бровью не повела, а устремила на хозяина столь внимательный и приветливый взор черных очей, что, казалось, ничего более приятного, чем эти издевки над ее соплеменниками, она в жизни своей не слыхивала!

Княгиня Елизавета, воспитанная по-старинному, и помыслить не могла перебить разошедшегося супруга.

– При матушке Екатерине повелись, а при Павле и вовсе размножились у нас эмигранты эти! Не было полка в армии, в коем бы не водилось их по два-три человека, – продолжал нахлестывать любимого конька князь, не отдавая себе отчета, сколь это смешно – честить французов не сочной русской бранью, а утонченным французским же языком! – Кому удалось попасть в службу, более других повезло. Прочие подавались в учителя, и хоть в российских понятиях сие звание немногим выше холопа-дядьки, да все ж плоха честь, когда нечего есть. Вот и рассеялись бывшие французские дворянчики по всей земле Русской.

И тут князь Алексей обратил наконец внимание на непритворный ужас, исказивший черты его жены, и смолк озадаченный.

– Позвольте представить вам, маркиза, мужа моего, князя Измайлова, вотчима[3 - Так в старину произносилось слово «отчим».] Машеньки, – скованным от неловкости голосом промолвила Елизавета и сказала мужу: – Маркиза д'Антраге сейчас из Лондона, почти напрямиком от нашей Маши и Димитрия...

Поцеловав ручку гостыи, князь так заразительно расхохотался, что и дамы не сдержались, подхватили.

– Думаете небось: экий медведь русский? А, ваша светлость? – Он оживленно заглянул в темные глаза маркизы. – Что ж, простите старика великодушно, ежели обидел, а все ж правда моя, хоть и горькая: не сумели вы, аристократы, слабыми белыми своими ручками власть удержать – вот и утирайте ими теперь слезы от злых насмешек. Храни Бог, ежели выпустят и русские Россию из рук: тоже нахлебаются горького на чужой стороне!

– Господи, спаси и сохрани! – обмахнулась крестом княгиня. – Революция – гнусное событие, а ее деятели – вампиры, каннибалы! – со страстью сказала она. – Моя дочь, баронесса Корф, рассказывала, что в ту пору в Париже... Впрочем, что это я? – засмеялась она. – Вы ведь и сами все знаете, все помните!

– Такое не забывается, – глухо промолвила гостья.

Первым делом она поведала княгине Елизавете, как в годы террора пряталась вместе с Марией Корф в каменоломнях под старым монастырем кармелиток. Гостья вообще была прекрасно осведомлена о жизни супругов Корф в Лондоне, где барон продолжал свою дипломатическую деятельность. Старый же князь Алексей Михайлович долгие годы негласно представлял интересы России на Балканах, однако после смерти великой Екатерины император Павел, по какому-то недоразумению или наговору, отставил его от службы. Князь уехал в родовое нижегородское Измайлово, и хотя новый государь, Александр Павлович, всяческими посулами заманивал его в Иностранную коллегию, тот на уговоры не поддался и за двадцать почти лет покидал Измайлово не более десяти раз: отвозил внучку в Смольный институт; забирал из института прошлым летом – да вот нынче забота о будущем юной баронессы Анжелины Дмитриевны вынудила Измайловых подумать о постоянном городском жительстве.

– А что? – сердито вскинул бровь князь. – Главный-то во всей Европе злодей у самых врат наших стал! Вот до чего довело пристрастие к французишкам: всех он под каблук свой корсиканский подтоптал.

– Полагаю, вы говорите о Бонапарте? – уточнила маркиза с такой ненавистью в голосе, что князь воззрился на нее с горячей симпатией.

– О ком же ином? Я за себя не трушу, Бог нас не оставит – лишь бы Россия безопасна была. Но не вижу конца и меры бедствиям, которые покроют Отечество наше, ежели французское чудовище переступит российские границы. А ведь все к тому идет!

– Наполеон, если начнет кампанию, намерен уничтожить крепостную зависимость в России. Верно, в таком случае следует опасаться «общего резанья», когда мужики, прельщенные посулами свободы, поднимутся с топорами против помещиков? – спросила маркиза.

– Ничуть не бывало! – вскинулся князь Алексей. – Русский человек способен предать Россию для русского же: Стеньки Разина, Гришки Отрепьева, Ивашки Болотникова, Емельки Пугачева и иже с ними. Но не для иноземца, ибо ненависть к чужеродному – в основе русского характера, и великий Петр напрасно старался ее искоренить.

Княгиня Елизавета издала жалобный стон, и тут гостя великодушно решила положить конец страданиям деликатной хозяйки.

– Не все чужеземцы чудовища, и не все, что исходит из иных земель, особенно из Франции, несет вред, смею вас заверить!

– Теперь ваша правда, – благодушно согласился князь Алексей. – Жаль, что вы, сударыня, у нас проездом, а то просил бы я легонько приложить вашу великосветскую ручку к нашей деревенской красавице!

Мгновение маркиза смотрела на Алексея Михайловича неподвижным взором, и княгиня Елизавета внутренне ахнула, решив, что вот теперь-то она обиделась: мыслимое ли дело – предлагать роялистке из древней фамилии роль презираемой *madame*! – однако приветливая улыбка осветила глаза маркизы, и княгиня Елизавета успокоилась, подумав, что гостя могла за искренний привет и ласку принять приглашение воспитывать их внучку.

– Прошу извинить, сударыня, – произнесла княгиня. – Наверное, вы упрекнете мое гостеприимство, однако известное дело: бабушки обретают другую молодость во внучках! Боюсь, я чрезмерно хлопочу над Ангелиною, но, похоже, пребывание в Смольном прошло для нее даром!

– Ангелина? – приподняла красивые брови маркиза. – О, понимаю. Дочь Марии! На обратном пути я была бы счастлива встретиться с нею в Санкт-Петербурге, так что ежели у вас будут какие-то наказания, я их исполню с охотой.

Княгиня поклонилась:

– Чувствительно признательна вам, сударыня, однако вы не поняли меня. Ангелина уже более года как завершила курс обучения и живет дома, с нами. Это и составляет главную нашу заботу, ибо девица на возрасте, все ее сверстницы давно уже замужем – она же только и знает, что читать какую-нибудь «Амалию Мансфилд»[4 - Очень популярный в начале XIX в. роман г-жи Суза.]! Платье новое на ней – новое только час, на других же барышнях оно будто и вовсе не изнашивается!..

Елизавета осеклась, недоумевая, что это вдруг разошлась хаять любимую внученьку перед первой встречной. Вдобавок гостя смотрела так странно...

– Значит, дочь Марии здесь? – Голос маркизы д'Антраге дрогнул. – А я-то пыталась разыскать ее в Смольном, да эти старые наседки – классные дамы... – Она расхохоталась, закинув голову, и тонкая чадра запала в ее открытый рот, так что княгине на какой-то жуткий миг почудилось, будто перед нею оскал черепа. Но гостя обернулась к ней, и взор ее прекрасных глаз тотчас успокоил мимолетную тревогу.

– Мария желала, чтобы дочь ее выросла вполне русской, – пояснила княгиня Елизавета. – Кроме того, родив дитя в зрелые годы, ни Мария, ни Димитрий Васильевич, похоже, так и не поверили вполне, что стали отцом и матерью!

Со стороны, наверное, могло почудиться, что княгиня осуждает дочь и зятя, однако в голосе ее отчетливо звучала благодарность судьбе за то, что Мария и муж ее были всецело поглощены друг другом и карьерой барона Корфа, а потому даровали Измайловым на старости лет это счастье: растить и воспитывать любимое дитя. Ангелина была светом их очей, и княгиня Елизавета могла упрекать себя лишь за переизбыток любви и ласки, из-за чего Ангелина и к двадцати годам казалась сущим ребенком, а никак не девицею на выданье.

* * *

...Блаженная тяжесть навалилась на Ангелину, терлась о ее жаждущее естество, однако того, чего бессознательно желала она, не случилось. Руки юноши то хватали ее, то отпускали; он что-то досадливо шептал, терзая ее губы... Ангелина приоткрыла глаза и увидела, что он лихорадочно пытался развязать мокрые тесемки своего исподнего, но они никак не поддавались нетерпеливым пальцам. Ангелина потянулась помочь, но ее руки вновь встретили напрягшуюся, обтянутую полотном плоть, и она только разок приласкала ее, как вдруг незнакомец уже не застонал, а зарычал и так прижал Ангелину своим телом, что та едва не задохнулась. Он весь содрогался, его тяжелые вздохи оглушали ее. А потом, к величайшему ее разочарованию, он скатился с нее и обессиленно распластался на песке, бурно дыша.

Ангелина забыла осторожность и стыд, она знала лишь одно: распалив до изнеможения, он так и не погасил сжигавший ее жар, в то время как сам... Она не знала, что все это значит, она просто рассердилась, а потому вцепилась в завязки зубами и так их рванула, что юноша вскрикнул от неожиданности, а тесьма не выдержала – и лопнула.

Незнакомец лежал, распластавшись, бесстыдно воздев к небесам знак своей божественной земной сути, но более не делая попыток прикоснуться к Ангелине, а как бы в ожидании, предоставив себя ее заботам.

Она дрожащими руками стала нежить его и гладить, однако слишком распалена была, чтобы думать сейчас о другом наслаждении, кроме своего, а потому в нетерпении вскочила на незнакомца верхом, коленями сдавив его бока... И ей почудилось, будто она насадила себя на раскаленный жезл, который вошел в нее чуть ли не до самого сердца.

Новый душераздирающий вопль огласил окрестности, и Ангелина, сорвавшись с этого обоюдоострого, окровавленного меча, почти бездыханная рухнула на песок, сжалась в комочек, зашлась в рыданиях, вдруг поняв, что боль и кровь означают утрату девичества – самого драгоценного сокровища для всякой незамужней женщины.

Сейчас она не могла понять, где были ее стыд и разум, почему она впала во грех с первым встречным... И добро бы он ее, а то ведь сама себя лишила невинности! И, осознав это, Ангелина залилась горькими слезами, которые, увы, нельзя было выплакать дедушке в плечо или бабушке в колени: все, кончилась ее девичья пора, навеки и с корнем вырвала она себя из привычного мира домашней,

снисходительной любви... теперь она одна, навеки одна!

– Нет, – раздался у самого уха шепот, и теплые губы прильнули к ней ласковым поцелуем: – Не плачь! Ты не одна! Я с тобою!

И вдруг у Ангелины захватило дух, ибо она ощутила его руки и губы на своих бедрах. От радости она вся обессилела и безропотно позволила перевернуть себя на спину, всецело отдаваясь во власть незнакомца.

– Милая... – долетал чуть слышный шепот. – Милая, ненаглядная моя!

Ангелина попыталась приподняться, но тяжесть его тела не позволяла шевельнуться. Теперь Ангелина вовсе не пылала к нему жаждой мести: ведь руки незнакомца порхали по самым сокровенным уголкам ее естества и извлекали из него сладостную, томительную мелодию, в лад которой начали медленно вздрагивать и ее сердце, и ее тело. Будто желая отблагодарить Ангелину, незнакомец осыпал поцелуями ее лоно. Он нашарил языком какое-то волшебное местечко в самой его сердцевине, и Ангелина не сдержала стона изумления и восторга. Его губы сделались смелей, жарче, да и она отвечала со всей страстью: ласкала, целовала, гладила его везде, где только могла дотянуться ртом, пока трепет близкого наслаждения не сотряс ее тела. Тотчас незнакомец вновь оказался с нею лицом к лицу, чресла с чреслами, и они неистово сплелись в блаженных содроганиях, вцепились друг в друга, враз исторгнув из самой глубины сердец и тел:

– Люблю тебя!

– Люблю тебя!

– ...Сколь я слышала о молодой баронессе, ей надобно сделаться общительной и обходительной, чтобы на балу не приходилось весь вечер сидеть и удалось бы составить выигрышную партию, – проговорила маркиза д'Антраге, и князь с княгиней переглянулись, удивившись, как скоро поняла и точно выразила странная гостья суть их намерений. – Поверьте, не было бы в мире человека счастливее меня, когда б я сама смогла уделить время и внимание дочери Марии! Но я здесь лишь для того, чтобы засвидетельствовать вам свое почтение... – Маркиза вновь не совладала с голосом, и Елизавета подумала, что, верно, и впрямь роковые события связывали в прошлом ее дочь с этой

загадочной гостьей! А та, уняв волнение, продолжала: – Однако есть у меня на примете человек, который вам необходим. Конечно, это французенка, – она улыбнулась князю Алексею не без тонкого укора, – но в Нижнем прижилась и открыла процветающее дело. Я говорю о мадам Жизель, модистке... о нет, королеве модисток! – поправились маркиза, заметив пренебрежительную переглядку Измайловых. – Мадам Жизель в действительности – графиня де Лоран, моя кузина, и все благородное вековое прошлое нашей семьи помогло ей создать вокруг себя такую атмосферу изящества и утонченности, которая окажет на юное существо самое благотворное воздействие... не в пример этой светской тюрьме, Смольному институту! – добавила маркиза, и эти ее последние слова оказались решающими: князь Алексей был ярым противником недомашнего женского образования, и всякий уничижительный отзыв о столичном заведении находил прямой доступ к его сердцу. Он сразу согласился доверить воспитание Ангелины неведомой мадам Жизель, ну а княгиня Елизавета стояла перед любимым мужем как лист перед травой, не выходя из его воли, – не вышла и сейчас.

Полагая, что настала пора представить маркизе ее новую протеже, княгиня Елизавета выглянула в окошко, однако ни гнедого, ни Ангелины на лужайке не оказалось. Послали горничных девок поискать барышню – нигде не нашли. А маркиза вдруг заспешила и, посокрушавшись, что так и не свиделась с дочерью Марии, отказалась от обеда и откланялась, раз двадцать повторив на прощание адрес мадам Жизель и посулив непременно свидеться с Измайловыми в Нижнем.

Ангелина так и не воротилась, хотя уже позвали к чаю.

– Поехала покататься... – предположила Елизавета.

– Нет, – досадливо покачал головою князь. – Нет, конек-то уже в конюшне. Небось сбросил ее да ускакал, а она слезы где-нибудь точит. Ох и неудаха! Но что ж делать, Лизонька! Это как у лошадей, – обратился он к любимой теме, – иноходец не скачет рысью, а рысак не перейдет на иноходь. Девонька у нас добрая, ласковая, умница... А все же снулая какая-то.

– Она красавица! – обидевшись, воскликнула Елизавета.

– Спящая красавица, – ласково усмехнулся муж.

– Да, сердце у нее спит, – с тяжким вздохом добавила княгиня, еле удержавшись, чтобы не назвать самый, на ее взгляд, большой недостаток внучки: «Она ведь, кажется, еще ни разу не влюблялась!»

...Когда Ангелина пришла в себя, она была одна на берегу, уже одетая. Пытаясь понять, сон то был или явь, она побродила, но не нашла ничьих следов, кроме копыт своего гнедого, и не поленилась снова раздеться и переплыть на другой берег. За серебристыми тальниками сырой песок был весь истоптан лошадью, а еще Ангелина нашла следы сапог и вдавленную в траву золотую чеканную пуговицу. И наверное, даже у нищего дровосека Али-Бабы не трепетало так сердце, когда он набрел на пещеру сорока разбойников, как задрожало, забилося сердце у Ангелины, когда она сжала в руке эту пуговку, поведавшую ей так много...

Ее речное божество все же было человеком – убедилась она. И хорошо, что отдала Ангелина страстно и бездумно свое девичество не какому-нибудь простолыдину – первые в своей жизни слова любви услышала она от лихого гусара! И был он вдобавок офицером и человеком далеко не бедным.

Русское дворянство всегда считало службу в кавалерии первостатейным делом. Но далеко не всем она была по карману из-за покупки собственных лошадей и дорогостоящего конного снаряжения. Устав требовал, чтобы у гусарских офицеров все пуговицы, шнуры и галуны на доломане и ментике[5 - Доломан – гусарская куртка, на которую накидывают ментик – верхнюю куртку, ее носили обычно на одном плече со свисавшими рукавами.] были золотыми или серебряными, лядунка – маленькая сумка для патронов – также должна была иметь крышку из чистого серебра или золота. Поэтому в кирасирских, драгунских и гусарских войсках на обер-офицерских должностях служило немало молодых людей из знатных и богатых фамилий.

Целую неделю Ангелина занималась только тем, что невзначай выпрашивала обо всех молодых соседях, бывших на военной службе, и вскоре узнала, что сероглазый да светловолосый ухарь, разбивший сердца без малого дюжины дворовых девок (о количестве похищенных невинностей вообще ходили баснословные слухи), был не кем иным, как внучатым племянником старой графини Орликовой, которого даже родимая маменька за распутство у себя не держала, ибо он был малым очень добрым, но гулякою и бретером. Звали его Никита Аргамаков, и хоть не по душе было Ангелине оказаться всего лишь одной из множества кобылок, которых покрыл этот жеребец, оставалось утешаться

хотя бы тем, что был он весьма знатного рода, ведущего свое начало от дьяка Василья Аргамакова[б - Аргамак – старинное название верховых лошадей самых ценных восточных пород (тюрк.)], который еще в 1513 году прославился в смоленском походе царя Иоанна Васильевича и обрел за то потомственное дворянство.

Ангелина узнала также, что Никита Аргамаков чуть ли не в тот же день, когда любострастничал с нею на волжских отмелях, получил срочное предписание и отбыл в свой Белорусский полк. Он уехал, не было надежды встретить его опять, а все же Ангелина не могла одолеть искушения снова и снова приезжать на заветный обрыв и смотреть, как колышутся в волнах серебристо-зеленые тальниковые косы, мечтая лишь об одном: чтобы все вновь было, как тогда... И ненавидя себя за это.

Дознался ли Никита, с кем слубился на золотистой песчаной постели? Нет, едва ли! И времени у него не было, и никаких причин счесть Ангелину чем-то большим, нежели крепостной девкой, охочей до случайных барских ласк, не было – наверное, даже лица ее не успел разглядеть! И небось легче Волгу поворотить от Каспия к северу, чем заставить Никиту вспомнить хотя бы цвет глаз девы, которая так пылко и щедро любила его под мерный пережат волжских волн.

Это было самым нестерпимым: все время думать, что он забыл ее в тот же миг, как дал шпоры коню, и Ангелина по-настоящему обрадовалась, когда князь и княгиня объявили ей о своем намерении как можно скорее отбыть в Нижний.

Она встрепенулась и, убежав в свою светелку, несчетно положила земных поклонов Пресвятой Деве за то, что надоумила деда с бабкой уезжать, а заодно поблагодарила неведомую маркизу д'Антраге. Она торопила отъезд как могла и даже не побывала на прощание на заветном берегу, только вдруг, уже с подножки заложенной кареты, на минутку забежала в сад, припала лицом к цветущим смородиновым ветвям, близко глянув на крошечные бледные цветочки, растерла в пальцах зеленый листок, отмахнулась от толстого сердитого шмеля – да и была такова.

МАДАМ ЖИЗЕЛЬ

Ангелина очень любила Нижний. Конечно, Москва – колокольная, белокаменная, первопрестольная; конечно, Санкт-Петербург – столица, сплошь огромный роскошный дворец; но ни один из этих городов не стоял так вольно и величаво на могучей горе, которая воздымалась на месте слияния двух широченных рек (Ока здесь ничем не уступала Волге), господствуя над необъятными, как море, просторами вод и левобережных долин. Кремль венчал эту гору, подобно роскошной короне, по гребню вились белые стены, в некоторых местах словно вырастая из крутых склонов. Над вершинами деревьев золотились главы церквей, среди которых особенным, перламутровым светом сияли купола Михаила Архангела. Сам Нижний, не забывший жестокие набеги татарские, скрывался за горою, в извилистых улицах и улочках, среди роскошных садов, которые в весеннем цвету были подобны огромным белым облакам, спустившимся с небес и опьянившим город райским благоуханием.

В стародавние времена, когда княгиня Елизавета Измайлова еще звалась графиней Строиловой, у нее был небольшой домик в самом начале Варварской улицы, но с годами князь Алексей Михайлович выстроил новый двухэтажный дом в одном из красивейших мест города: рядом с Благовещенской площадью, повыше прежней Елагиной горы, на самом юру, открытом всем волжским ветрам, в виду вечной ослепительной волжской красы. Туда и держали сейчас путь измайловские кареты от Арзамасской заставы, по Покровской улице.

Ангелину и старую княгиню сморила дорога, они клевали носом, мечтая лишь добраться до постели; Алексей же Михайлович нетерпеливо выглядывал в оконце, торопил заморенного кучера... И вдруг с криком: «Пожар? Мы горим!» – высунулся чуть ли не по пояс, вглядываясь в огромный, до небес, костер, вспыхнувший, как ему почудилось, точнехонько на месте его дома. Но когда карета приблизилась, стало ясно: горит соседний дом, за отъездом владельца давно стоявший заколоченным и назначенный к продаже.

Дом сей частенько переходил из рук в руки и подолгу пустовал, потому что издавна пользовался дурной славой, вроде знаменитого еще в прошлом веке дома Осокиных.

И вот теперь нехороший дом пылал. Кое-где на улице замелькали полуодетые фигуры с ведрами, однако все это было пустое: все равно дом было уже не

спасти, он воистину вспыхнул, как если бы в подвале его размещался пороховой склад или стены были старательно просмолены.

На измайловской крыше стояли дворовые с ведрами и баграми, готовые обороняться от шальных искр, но, по счастью, просторный сад не дал пожару перекинуться на другие дома, и наконец женщины уверились, что опасности нет, и с облегчением вздохнули, когда старый князь, отряхнув кафтан от сажи, пошел к карете... однако вдруг замер, будто выжлец[7 - Ищейка, гончая собака.], сделавший стойку, и со свистом и криком: «Держи поджигателя!» – ринулся на задворки сгоревшего дома. Черный четкий его силуэт, освещенный заревом, слился с другим силуэтом, метнувшимся от пожарища. Видно было, что князь и его супротивник нещадно колотят друг друга. Княгиня вскрикнула, увидев, что муж ее упал... Впрочем, он тут же вскочил и помчался за обидчиком. Тот бросился наутек в обугленные кусты, но оттуда выскользнул еще один человек, выбил из рук злодея нож и так вlepил ему со всего плеча, что тот рухнул наземь. Князь подбежал, навалился сверху...

Толпа, собравшаяся поглазеть на пожар, кинулась на выручку князю, да дело было уже слажено: Алексей Михайлович появился, волоча за собой какое-то закопченное существо. Невысокий человек помогал ему и нес просмоленное ведро, столь явно изобличившее деяния схваченного, что толпа взревела и приступила бы к самосуду, когда б не явилась тут пожарная бочка в сопровождении команды и еще двух городских.

Ангелина и старая княгиня выскочили из кареты и пробрались поближе к Алексею Михайловичу. Городовые, князь и его неведомый помощник в изумлении взирали на поджигателя и слушали его с таким вниманием, с какими слушали бы слона, заговорившего человеческим голосом! Толпа тоже притихла, глаза на обожженного злодея, который бил себя в грудь и, брызгая слюной, ораторствовал... на отменном французском языке, страшными словами проклиная Россию и пророча ей скорую гибель от рук великого Наполеона.

– Что?! – взревел князь Алексей, затыкая пакостный рот такой зуботычиной, что поджигатель вновь опрокинулся навзничь, невольно увлекая с собою того, другого человека.

Князь рывком вздернул его на ноги:

– Простите великодушно! И за подмогу вашу благодарен! – Он стиснул его руку, а потом махнул городовым на преступника: – А этого – в кутузку! Да велите дать ему плетей, чтоб дознаться, по чьему наущению французскую крамолу разносит да урон городу причиняет?

Городовые подчинились князю безоговорочно и, заломив поджигателю локти, в тычки погнали его в участок. Князь, не выпуская руки незнакомого помощника, воинственно повернулся к своим дамам.

– Ну? Чего всполошились? Нешто есть еще порох в лядунке! Да вон господина благодарите... Простите, сударь, как вас звать-величать?

– Comte Fabien de Laurent[8 - Граф Фабьен де Лоран (фр.)], – ответил тот, изящно поклонясь, и толпа, услышав чужую речь, надвинулась на него со злобными выкриками:

– Да они одним миром мазаны! Вяжи и этого!

– Бей мусью!

Граф выпрямился и мгновенным движением выхватил шпагу, однако это лишь раззадорило толпу. Ясное дело, этого изысканного, хоть и перепачканного сажей кавалера приняли тоже за поджигателя, а чужая речь стала подобна красной тряпке для быка.

Ангелина с любопытством уставилась на француза, только сейчас заметив, что он молод и хорош собою, хотя его лицо и было слишком томным. Сложения он был полноватого, что, впрочем, не мешало ему двигаться резво и проворно. Хотя едва ли даже со шпагою выстоял бы он против тройки ражих молодцов, по виду извозчиков либо грузчиков, которые дружно выступили вперед, засучив рукава и обнажив устрашающие кулачищи. Да тут уж князь Алексей выступил вперед и заговорил с такой бравадою, что зачинщики мордобоя враз опешили:

– Что, своя своих не спознаша? Аль давно кулачки не почесывали? Ну что ж, выходи по одному!

Он выхватил из-за кушака длинноствольный пистолет и взвел курок, который так громко щелкнул, что один из силачей от неожиданности тоненько вскрикнул и прикрыл ладонями рыжебородое лицо.

Хохот, грянувший вслед за тем, заставил Ангелину и княгиню Елизавету зажать уши, а князь Алексей, похлопав рыжего бедолагу по плечу, двинулся к дому, не выпуская левой руки француза, в правой все еще державшего свою шпагу.

И они вошли в измайловский дом, и уселись за богато накрытый стол, и ели, пили, смеялись, изумляясь поразительному совпадению: ведь граф оказался сыном той самой мадам Жизель, о которой говорила маркиза д'Антраге. За шутками и тостами забылся и пожар, и поджигатель, и его жуткие пророчества... А между тем именно на рассвете 12 июня «Великая армия» Наполеона без предварительного объявления войны вступила в пределы России.

Однако должно было пройти еще пять дней – жарких, веселых летних дней, – прежде чем в Нижнем был обнародован царский манифест, призывавший к защите Отечества.

* * *

Беды ждали давно.

Еще год назад в Нижнем запылал страшный пожар, дотла истребивший северо-западную часть города. А в конце августа в небе, словно запоздалая искра, возгорелась комета – звезда злокрылая, как ее называли в народе. Багровая, мрачная, она ежевечерне восходила на востоке, а к утру исчезала на севере, разметая своим длинным веерообразным хвостом все прочие светила. «Не к добру эта звезда, – говорили горожане, – пометет она русскую землю!» Пророчество, однако, сбылось лишь год спустя...

На простой люд, разумеется, весть о войне обрушилась как гром с ясного неба: это тебе не турку или пана идти бить бог весть в какие пределы – враг сам заявился непрошенный, всем миром надобно подниматься! Господа же, читающие газеты, открытия военных действий ожидали уже несколько месяцев.

Князь Алексей Михайлович считал столкновение неизбежным еще весной, и вот наконец это предгрозовое напряжение разрешилось... Читая рескрипт императора Александра о том, что Наполеон перешел Неман, многие женщины, а среди них и княгиня Елизавета, не могли сдержать слез. Церкви с утра до вечера заполнял народ, и хотя в эти дни не было престольных праздников, молились с усердием, какого Ангелине не приходилось еще видеть. Почти все, не таясь, плакали.

– Молись неустанно, – твердила, истово кланяясь, прежде вовсе не богомольная княгиня Елизавета, – лишь искренними молитвами можем мы снискать милосердие Божие!

Стоящая рядом Ангелина прилежно, до боли в руке и спине, обмахивалась крестом и отвешивала поклон за поклоном, хотя по сердцу, по натуре ей было бы не просить, а делать. Нынче на паперти, проталкиваясь в переполненную церковь, она услышала, как две бабы шептались: мол, издревле от моровой ли язвы, от чумы, от другой ли какой напасти бабы ночью, тайком, впрягаются в плуг и опахивают деревню... Вот бы, мол, всем российским бабам опахать державу от басурманской чумы, от набега! И Ангелине враз представилась невообразимо огромная Россия, вдоль границ которой, освещенные туманною луною, тянутся вереницы запряженных в плуги простоволосых, в одних рубахах, а то и вовсе нагих русских баб, старых и молодых, одна из которых мерно стучит в сковороду чугунным пестом, разгоняя злую нечистую силу. Ангелине захотелось сделаться одной из таких деревенских баб, которые каждым шагом своим спасают Отечество... Эх, неосуществима сия мечта, ну а смелая мечта нового знакомца – Фабьена – и более того. Бывши по рождению французом, он вместе со многими своими соотечественниками поступил в вечное России подданство и, желая принести себя на алтарь новому Отечеству, намерен был отправиться в ставку Баркляя-де-Толли – просить, чтобы его послали парламентаром к Наполеону. Фабьен решил, подавая бумаги императору французов, всадить ему в бок кинжал.

– Думаю, он хочет это сделать из желания приобрести историческую известность, хоть бы вроде Равальяка![9 - Убийца знаменитого французского короля Генриха IV.] – усмехнулась княгиня Елизавета Васильевна, которая относилась к политесному[10 - Галантному.] французу скептически.

Алексей же Михайлович был к молодому графу весьма расположен и, покоренный его обаянием, смягчил свое неприязненное отношение ко всем

французским эмигрантам. И хотя большинство из них по-прежнему исправляло должности гувернеров, чтецов, капельмейстеров, камердинеров, поваров, садовников, модисток и прочее, невзирая на чин и титул, встречались среди них и люди почестные, ведущие жизнь, вполне достойную настоящего дворянина.

Князь Алексей уважал деловые способности что в русских, что во французах, а потому не мог не упрочиться в своей доверии к рекомендации маркизы д'Антраге, когда увидел, что собой представляет салон мадам Жизель.

Слово «салон», впрочем, лишь бледная тень истины: графиня де Лоран заправляла маленьким заводиком по производству женской красоты.

Новейшие картинки и журналы приходили из Парижа, Лондона и Берлина через Москву и Петербург бесперебойно; оттуда же, с самых лучших мануфактур, исправно присылали шелка, бархат, кисею, батист, сукно и отменных сортов шерсть. Везли с Урала полудрагоценные камни, с севера – «бурмицко зерно», речной жемчуг, – наряды здесь шили богатые! На птичьем дворе выращивали павлинов и фазанов, особые красильщики придавали перьям тон, нужный для каждой шляпки, которую ими украшали. Возами шла с Малороссии солома, и флорентийские шляпки с искусственными цветами, сделанными руками нижегородских искусниц, были у здешних красавиц нарасхват. В подвалах дома на Варварке бойко стучали молотками сапожники, вкусно пахло самолучшим сафьяном; здесь же шились и шелковые бальные туфельки. Под крышей трехэтажного дома сновали туда-сюда иглы белошвеек и златошвеек; стучали коклюшками и мелькали спицами кружевницы, усердствовали вышивальщицы. Два королевских парфюмера, бежавших в Россию чуть ли не с помоста гильотины, смешивали и разливали в затейливые склянки помаду для губ и волос, румяна, всяческие кремы и знаменитую лавандовую настойку. Впрочем, к ней по рецепту мадам Жизель добавлялось и розовое, и гвоздичное масло, и шалфей, и фиалка... да и еще всякая душистая всячина! А мебельные мастерские! Словом, проще перечислить, чего не делали на «заводике» мадам Жизель...

Любая провинциальная дама могла войти в дверь особняка графини де Лоран, *parдон*, в неглиже, а выйти не только сверху донизу одетой, обутой и напомаженной по последней парижской моде, но и причесанной в соответствии с *dernier cri*, ибо некий месье Жан не покладая рук трудился здесь над светлыми, рыжими и темными локонами. Да и само неглиже можно было найти здесь: и корсеты, и сорочки, и нижние юбки, и чулки, и все прочее батистовое,

кисейное, шелковое и кружевное, что надевают прекрасные дамы под платья. Единственное, что непременно следовало бы принести с собою, это увесистый кошель, ибо услуги сего гнездилища соблазнов были истинно разорительны! Денег, плаченных за все эти «кружева», хватило бы на годовое довольствие иному семейству! Вдобавок дамы тут и впрямь могли окунуться в атмосферу истинно светского парижского салона; те, чей французский был, так сказать, не вполне разборчив, имели возможность его усовершенствовать; а на прелестных soiree[11 - Вечеринках (фр.).] всякая дебютантка могла научиться кокетничать и флиртовать, как подобает девушке скромной, но не желающей засиживаться в девках: облетом искрометного взгляда зажигать самые холодные и самонадеянные сердца. Это ведь только купеческое сословие выбирало сыновьям невест на Софроньевской площади в пору ежегодных зимних смотрин, а люди дворянского звания предпочитали присматриваться к барышням на балах. Молоденьких провинциалок французская мадам муштровала строго: спину держать прямо, веером обмахиваться, а не размахивать, ухитряться, чтобы от усталости и невыносимой духоты балов их хорошенькие личики не превращались в вакханские физиономии, туго закрученные локоны не развивались бы, платья бы не обдергивались, перчатки не промокали – и все прочее в этом же роде. Девушек учили выдержке не милостивее, чем прусский капрал учит новобранцев. Однако никто не желал сократить курс обучения. Если и сокрушались втихомолку, так лишь о том, что не удастся век танцевать только с красивым, отличавшимся изяществом манер, живостью характера и непринужденностью разговора графом Фабьеном де Лораном. Он был постоянным кавалером нижегородских дебютанток на балах своей матери; танцевал, несмотря на свою полноту, божественно; и каждая девушка мечтала, чтобы заученно любезный взор галантного Фабьена при встрече с ее взглядом вспыхнул огнем нежности и страсти.

Военного чина у графа Фабьена не было, однако это не убавляло его привлекательности. Но похвалиться особым успехом не могла ни одна барышня. Он отличал всех, а значит, никого особо. Наблюдательные барышни отметили, что сдержанным и молчаливым Фабьен бывал, лишь когда танцевал с молоденькой баронессой Ангелиной Корф.

Больше всех была поражена этим она сама.

* * *

Дожив до двадцати почти годочков, Ангелина прочно усвоила одну истину: она не удалась. Родившись в богатой и знатной семье, выросшая в неге и холе, окруженная самозабвенной заботой деда с бабушкой, она всегда чувствовала – смутно, безотчетно, – что ее любят не за то, какая она есть, а за то, какой ее желают видеть. То есть как бы вовсе не ее любят! От нее столько ожидали... и, вот беда, никак ей не удавалось соответствовать этим чужим мечтам!

Машенька Грацианова на детских праздниках пребойко пела тоненьким голоском – Ангелина дичилась: пение Машеньки казалось ей смешным, – но бабушка укоризненно шепнула: «Ах, умница Машенька, а ты... экая бука!» – и этого было достаточно, чтобы раз и навсегда отбить в ней охоту петь.

«Эх, эх, бой-девка! – радостно блестя глазами, кричал дед, когда кузина Дунечка Румянцева лихо взяла первый свой барьер на английском пони. – А наша, видать, боится, что упадет!» – засмеялся он, ласково потрепав Ангелину по плечу. Она не боялась – разве что самую чуточку! – но если робость еще можно было одолеть, то ласковые насмешки – никак. Укорила матушка, глядя, как деревянную от робости Ангелину влачит по паркету учитель танцев: «Не отдави мозоль месье Фюрже!» – и с тех пор на всех танцевальных уроках Ангелина уверяла, что у нее болит нога, и даже начала ходить, слегка прихрамывая. «Ох, какие у вашей дочери волосы!» – восхищалась супруга английского атташе на приеме в русском посольстве, еще когда Ангелина жила с родителями; отец, более всего озабоченный тем, чтобы его дочка выросла примерной скромницей, прошептал, с ужасом глядя на ее буйно-кудрявую голову: «Господи, опять, поди, кудлы повылезли?!» С тех пор Ангелина полагала себя еще и самой некрасивой на всем белом свете.

Но она все же не могла не знать, что и родители, и старики за нее жизни своей не пощадят, что она воистину зеница их очей... А все ж ощущала: они скорее жалеют ее, чем любят, а уж о том, чтобы гордиться ею, – и говорить нечего!

Ее ум, сердце и тело как бы жили порознь, а душа вовсе витала в облаках, не объединяя их, не управляя ими. Только события необыденного свойства могли разбудить Ангелину от ее зачарованного сна и придать хотя бы подобие цельности ее натуре. Первое такое событие случилось на волжском берегу... Теперь над всеми потребностями Ангелины главенствовали разбуженные плотские желания, и если днем течение жизни хоть как-то отвлекало ее, то ночью от них воистину не было спасения! Особенно когда вспоминала этот задыхающийся, счастливый шепот: «Люблю тебя!..» Но и эти воспоминания не

преисполнили ее уверенности в себе: какой мужчина не набросился бы на пышнотелую, разогретую солнцем... А выдохнул он это признание из благодарности или из жалости к девчонке, столь щедро расточившей свое достояние. Жалость – это чувство Ангелина ненавидела сызмальства, а оттого, пожалуй, и сама не знала жалости к себе. Она умела только стесняться себя, даже имени своего, которое было слишком тяжеловесным: Ангелина. От Фабьена она впервые услышала прелестное французское – Анжель – и впервые поняла, каким чарующим, жемчужным именем наградили ее родители. И уж если в галантности Фабьена можно было заподозрить лишь отменное воспитание, то уж матушка его встретила ее с воистину материнской восторженной любовью. Все в Ангелине вызывало ее одобрение. «Рыжая!» – презрительно отзывались институтские барышни о золотисто-русых пышных кудрях Ангелины. «Petite rousse», – ласково называла ее графиня де Лоран. Когда какие-то па модной мазурки не удавались Ангелине или у нее кружилась от вальса голова, графиня говорила, что всем этим европейским жеманным танцам далеко до русской пляски, которая вполне удастся Ангелине. Медлительная, вялая, она заслужила у подружек презрительную кличку «рыбья кровь», в доме же на Варварке ее ласково звали «La petite sirene», русалочка. Ангелина жаждала томной бледности лица, но ничем невозможно было согнать по-деревенски здоровый румянец с ее пухлых щечек – а графиня восхищалась им, сравнивала по цвету с самыми лучшими прованскими розами, воспетыми трубадурами. И Ангелине, дочери барона, внучке князя, было ничуть не зазорно выслушивать ласковые поощрения от французской эмигрантки, ибо всяк, кто был зван в ее личные покои и принят по-семейному, не осмелился бы называть иначе чем графиню эту полную достоинства, далеко не старую даму, которая погибшие на ее лице розы и лилии весьма ловко заменяла искусственными. Графиня имела характер, которому скука неведома, а значит, она была неведома и ее гостям, согласным даже терпеть ее любимых левреток, которые кусали за ноги входящих, и вкушать не по-русски необильную, изысканную пищу, проигрывать в ломбер хозяйке, которая до карт была большая охотница, – все терпеть, лишь бы вновь насладиться обаянием этого «полуденного цветка, в варварскую страну занесенного», как без ложной скромности называла себя графиня. Ангелине казалось, что мадам де Лоран с ее умом, богатством и умением держать себя должно быть невыносимым провинциальное общество, которое осаждало ее салон: противные дамы, которые так и ели глазами хозяйку, пытаясь перенять ее ужимки; их мужья, которые, подобно холостякам, пожирали хозяйку нескромными взорами; молодые люди с неуклюжими манерами, топорной речью и в вышедших из моды туалетах. Людей все учит: и скука, и досуг. И Ангелина, бывая у графини, даже начинала стыдиться своих соотечественников.

Людей общества в Нижнем Новгороде между тем поприбавилось. Уехав из Москвы от неудержимо подступающего к столице неприятеля, в Нижнем поселились самые знатные семьи московской аристократии. Тихий и скромный городок взбудоражился! Москвичи привезли с собой капиталы, привычку к шумной, рассеянной жизни, последние моды и крупную карточную игру.

Начались непрерывные праздники и балы у гостеприимного вице-губернатора Крюкова, в богатых домах. Но не только это вынужденное веселье привезено было из Москвы: с приездом людей, ощутивших, хотя бы издалека, веяние наступающей войны, умножились разговоры о ней и в Нижнем.

Здесь уже были, конечно, приняты разные меры, чтобы в случае необходимости дать отпор врагу: на окраинах города рылись канавы и спешно вколачивались в землю сошки с перекладинами, на которых раскладывались колья и рогатины; вокруг селений воздвигались заборы с заставами и сторожами в шалашах; устанавливались взятые у богатых помещиков старинные чугунные пушки, употреблявшиеся для салютов в семейные праздники; собиралось ополчение... Да, принимались меры, но до чего же все нижегородцы были бы несчастны, когда бы пришлось этими мерами воспользоваться!

16 июня оставили Вильно. 20-го потеряли Минск. Багратион отступал к Смоленску.

Мысли устремлены были у всех на берега Двины, где шаг за шагом оттеснялись неприятелем русские войска, хотя никто не сомневался: армия наша желает наступать! Однако приказы главнокомандующего Барклая-де-Толли носили иной характер: выравнивать фронт, беречь силы, вести позиционные бои.

– Барклай-де-Толли? Болтай, да и только! – честил его старый князь Измайлов. – Позиционная война невыгодна, потому что всякую позицию можно обойти. Побьют врагов под Смоленском – все могут оставаться спокойными. Бонапарте должен будет тогда помышлять о собственной безопасности. Если же прорвутся злодеи далее, то беспокоиться нам придется уже о целостности и существовании нашего государства!

В эти дни на Ангелину дома мало обращали внимания: Алексей Михайлович уже порывался записаться в дворянское ополчение, а когда жена сказала веско: «Только через мой труп!» – вскричал почти с ненавистью: «Я видел стариков,

которые умирают костенея. Ты что же, мне такой участи желаешь?! Я жизнь в бою провел – дай же и смерть там сыскать!» Княгиня всерьез опасалась, что муж, как мальчишка, просто-напросто сбежит из дому, и ей было ни до чего, даже не до внучки, так что та невольно тянулась туда, где ей всегда были рады: к графине де Лоран... И к Фабьену.

* * *

Теперь во многих домах в Нижнем стало тесновато от переизбытка приезжих. Не стал исключением и дом на Варварке. Ведь в город прибыли не только русские, бежавшие от войны: московский губернатор Ростопчин выслал из старой столицы всех французов, подозреваемых в сношениях с Наполеоном, и отправил их в Нижний на барке. Здесь эти люди оказались воистину в положении немцев, немых: народ был так раздражен, что чужие не осмеливались говорить на улице по-французски... Да что! На любом иностранном языке! Германского торговца чуть не побили камнями, приняв за француза. Двух русских офицеров чуть не арестовали: они на улице вздумали говорить по-французски; народ принял их за переодетых шпионов и хотел поколотить.

Когда бы ни пришла Ангелина в дом графини, она непременно натыкалась на очередного дрожащего от страха незнакомца. А как-то раз, явившись без доклада, застала графиню с охапкой окровавленных, дурно пахнущих бинтов, а из-за двери слышались стоны. Мадам Жизель неприязненно сказала, что уроков нынче не будет, потому что у нее в доме умирает доктор Тоте, которого Ростопчин в Москве заклеил как французского шпиона, а нижегородский вице-губернатор Крюков велел наказать его на конной площади тридцатью ударами плетей и, окровавленного, бросить на четыре дня в тюремный карцер. Никакого ухода за его израненной спиной не было, а когда раны стали дурно пахнуть, Тоте вышибли из тюрьмы, и он чудом добрался до своей сердобольной соотечественницы...

Ангелина едва не зарыдала от ужаса и жалости к несчастному!

– Ох, за что, за что его так?! – вопрошала она, но мадам де Лоран ушла, унося бинты, холодно буркнув: «За то, что француз!»

Ангелина зажмурилась, не решаясь больше спрашивать. Пусть Тоте принадлежал к враждебной нации, но ведь не он жег русские села, не он

стрелял в русских солдат! Впервые в жизни ей стало стыдно за то, что она русская! С этим чувством стыда она и ушла... А жаль все-таки, что ей не удалось вызнать причину столь жестокого наказания Тоте! Ведь графиня не могла не знать, что доктор-француз подвергся суровой каре за пророчества, что уже 15 августа (через полтора месяца!) Наполеон будет обедать в Москве...

3

ЛОДКА-САМОЛЕТКА

Лето 1812 года изобильно было грозами. Тут и там внезапно вспыхивали пожары: молнии били в дома, деревья, палили стога, насмерть поражали людей – грешников, как думали в старину. Ох, если бы так! Но разве грешниками были те русские люди, коих в это страшное лето поражал неисчислимыми молниями жестокосердный бог войны, все ближе и ближе подтягивая границу своих губительных владений к Москве?..

Бог войны, говорят, всегда принимает сторону сильнейшего, и совсем неважно, справедливо ли это в глазах побежденных. Вообще самое ужасное в войне то, что, пока справедливость уравнивает наконец свои весы и злодеи получают по заслугам, число невинных жертв растет неостановимо. Старинную поговорку «Человек предполагает, а Бог располагает» ныне следовало бы переименовать на новый лад: «Человек предполагает, но располагает – война». Все подчинялось ее прихотям!

Уж на что далека всегда была Ангелина от забот страны, в которой жила, но и ее жизнь переменяла война. Уж, наверное, месяц она постоянно щипала корпию[12 - Растеребленная ветошь, ветошные нитки для перевязки ран и язв.]. Теперь этим занимались все дамы и девицы. И ежели прежде превосходство одной барышни пред другой было повито аршинами кружев, украшавших ее наряд, то нынче оно возвышалось на охапках корпии: кто больше? Сие нудное и нелегкое занятие порою становилось нестерпимо. Хотелось бросить все и убежать в тот единственный дом, где она была любимой и желанной гостьей, увидеть милых ее душе мадам Жизель и Фабьена, однако вовсе не суровая бабушкина приглядка заставляла Ангелину вновь и вновь трудить свои пальцы, а смутная, потаенная надежда: а вдруг именно эта щепоть корпии остановит кровь,

люющуюся из ужасной раны на груди сероглазого гусара... как бишь его? Никиты Аргамакова, кажется?..

Впрочем, Ангелина лукавила даже перед собою. Ей вовсе не было надобности напрягать память, чтобы вспомнить это имя: до двадцати почти лет дожила она с нетронутым сердцем. И кто знает, не случись той роковой встречи на волжском берегу, Ангелина могла бы полюбить пригожего француза лишь в благодарность за то, что он так увлечен ею. Однако теперь она видела, что Фабьен – милейший человек, но бесхарактерный, дает вертеть собою кому угодно, пляшет под любую дудку. Однако в душе у Ангелины (как и у всех женщин их рода!) жила тайная мечта о сильном, властном муже, который способен укротить женское своенравие. Она уже узнала такого мужчину и, вольно или невольно, примеряла всякого встречного на его манер. Ангелина безотчетно искала во всех мужчинах черты Никиты Аргамакова, и ежели обратиться к возвышенным сравнениям, то слова Княжнина «воспоминанием живет душа моя» были ей весьма близки.

Однако мысли и чувства свои Ангелина скрывала даже от себя самой, полагая, будто живет как живется... что наяву означало – под диктовку двух богов: любви и войны.

* * *

Князь и княгиня Измайловы были натурами весьма деятельными, и коли уж преклонные лета и неумолимая супруга не позволили Алексею Михайловичу препоясаться на брань за Отечество, то он никак не мог оставаться праздным толкователем военных событий, всякий день посвящая противопоставлению Баркляя-де-Толли Кутузову. Пожертвования его на нижегородское ополчение были самыми щедрыми: до тысячи рублей! И это в то время, когда купцы вносили по сто, двести, триста... Всего, к слову сказать, в Нижнем было собрано двадцать тысяч рублей – по тем временам сумма преизрядная. Мужики измайловские по указке сурового своего князя ополчались исправно, несмотря на некоторое уныние. В деревнях тяжелая пора: множество народу отрывали от земли в разгар страды! Мужики-то не роптали – напротив, говорили, что все они охотно пойдут на француза, но бабы их были в отчаянии: стон и вопль стояли над деревнями. Алексей Михайлович от горя чужого не отворачивался: почитая себя отцом крестьянушкам своим, вместе со всеми плакал навзрыд, а потом смехом пытался развеять печаль, уверяя, будто горюют мужики оттого, что свободны они отныне от своего барина – в солдатчине крепостные сразу

становились вольными!

Но пусть, говорил он, утешаются хотя бы тем, что ратников теперь не бреют, как прежде: ведь без бороды у русского мужика, по пословице, не лицо, а... ну, скажем мягко, то, что сзади.

И эти общие с народными слезы барина, и насмешка его над самим собою (князь Алексей уже лет сорок бороды не нашивал), его прямота и человечность, вся его сухощавая фигура в старомодном камзоле с кружевными манжетами, закапанными вином и воском, отважный взор его непотускневших голубых глаз, звонкий по-молодому голос – все вселяло надежду и отвагу в сердца ополченцев и ратников.

Супруга его была ему под стать. Елизавета родилась именно для него: у них была одна душа, одно стремление к добру, и пока князь хлопотал о ратниках, его княгиня тоже не сидела сложа руки, а посвятила всю себя военному госпиталю. Он существовал в Нижнем уже с десятков лет, однако теперь попечением княгини Измайловой был расширен и переоборудован. Конечно, фронт был еще далеко, а потому в Нижний попадали не те раненые, которым требовалось немедленное исцеление, а те, кто нуждался в долгом лечении и едва ли мог воротиться на войну. К началу августа в госпитале были готовы три офицерские и четыре большие солдатские палаты, человек на двести. Правда, большинство мест пока пустовало, заняты были только одна офицерская и одна солдатская, и посещение госпиталя сделалось одной из самых святы патриотических обязанностей для нижегородских дам. Девицы и молоденькие дамы находили эту обязанность также и самой приятной, особенно посещение офицерской палаты. Впрочем, Ангелина появилась здесь только однажды: убедиться, что там нет никого... знакомого, а потом держалась от офицерской палаты подальше: у ее обитателей и так было много нянек.

С изумлением Ангелина обнаружила, что не боится крови и не хлопаются в обморок при виде страшных ран. Зрелище гноящегося, гниющего тела поначалу вызывало тошноту, однако уже через несколько дней она научилась подавлять эти приступы, переводя взгляд на искаженные страданием лица. Стоило только представить всю бездну мучений, в которую был брошен раненый, и тогда жалость вовсе заслоняла брезгливость, неуместную в этой обители слез и смерти. А потом она просто привыкла к чужой боли, и сострадание тоже сделалось привычкой.

Солдатская палата, несомненно, причиняла персоналу госпиталя больше тяжелых хлопот, чем офицерская, и Ангелина постепенно привыкла смотреть на тамошних «сиделок» (так она называла барышень, которые день-деньской просиживали на краешках постелей то одного, то другого офицера, болтая и кокетничая) несколько даже свысока, ощущая как высший дар свою добродетель и нравственность. Она чувствовала, что наконец-то делает нечто подлинное, не зависящее от одобрения родных, знакомых. Наконец-то она делает то, за что может уважать себя! Зрелище чужих страданий и соучастие в избавлении от них окончательно сделали взрослой ее душу.

К ней (и другим сестрам милосердия) раненые тоже наконец привыкли. Склоненные хлопотливые фигуры женщин, облаченные в одинаковые простые серые платья, стали неотъемлемой принадлежностью палаты, где на топчанах, поставленных в три длинных ряда, стонали, бредили, молились и скрежетали зубами люди. «Сестра! Сестричка!» – окликали они всех женщин, молодых и старых, и те с равным усердием подавали помощь и кряжистому лесорубу-вятичу, у которого мучительно ныла и никак не заживала культя оторванной правой руки, и раненному в горло балахнинскому звонарю-ополченцу, и молодому башкиру, которому пулей перешибло позвоночник.

Иногда бывало так: приходил обоз с ранеными, а наутро половину хоронили, точно сил у этих страдальцев хватало лишь на то, чтобы донести свою боль до госпиталя, а потом, ощутив свое тело чистым, раны – перебинтованными, дождавшись мягкой постели, обильной еды, можно уж уснуть наконец последним сном... Вскоре сестры научились чуть не с первого взгляда определять, кто из вновь прибывших не жилец на этом свете, и особой бережливой заботливостью старались продлить если не дни их, то часы, и как радовались, если ошибались и раненый все же переживал эту первую, самую тяжелую ночь – и еще другие ночи и дни! И когда Ангелина впервые увидела Меркурия, тоже сперва подумала, что не видать ему больше солнечного света.

* * *

Обыкновенно по ночам дежурили две сестры, но в тот раз Ангелина осталась одна: Зиновия Василькова, ее напарница, вдруг почувствовала себя так плохо, что ее почти на руках унесли из госпиталя. Она была на третьем месяце беременности: в начале июня вышла замуж, через две недели капитан Васильков, артиллерист, отбыл в свой полк, и вскоре до Зиновии дошла весть,

что муж ее погиб под Минском. Выплакав все слезы, молодая вдова трудилась в госпитале, не щадя себя. Но силы человеческие не беспредельны – и вот Ангелина осталась одна. Она вышла проводить Зиновию и долго еще стояла на крылечке. Ангелине вспомнилось поверье, будто в такие вот светлые лунные ночи сама Царица Небесная в венце из блестящих серебряных ландышей появляется иногда пред теми, кому готовится какая-то нечаянная радость.

Упоенная мечтами, Ангелина схватилась за сердце, когда вдали вдруг послышалось какое-то движение и воздух задрожал, но тут же она сообразила, что чудо нынешней ночи кончилось, настала суровая действительность: приближается обоз с ранеными! Ночью! Худшее, что может быть! Ангелина бросилась в дом поднимать тревогу.

Ночь и впрямь выдалась тяжелая, два врача, нянечки и санитары забегались, Ангелина тоже сбилась с ног, хотела было послать за бабушкой, да вспомнила, что той нездоровилось, и, с трудом преодолев себя, пошла искать помощи в офицерской палате, где нынче пополнения не случилось, а в углу, в кресле, дремала дежурная сестра Нанси Филиппова.

Эту особу Ангелина терпеть не могла. Была Нанси бойка на ехидное слово и презирала Ангелину тем презрением, какое испытывают рано выскочившие замуж девицы к подругам-перестаркам. Хотя Ангелина предпочла бы вековать в девках, лишь бы не стать женою угрюмого и скупого (хоть и весьма состоятельного) полковника-интенданта Филиппова. Ангелина поражалась: почему эта вздорная ленивица пошла трудиться в госпиталь? Не стоит добавлять, что Нанси удостоила своим обществом только офицерскую палату (ее барская спесь не позволяла жалеть простой народ), и Ангелине стоило немалых трудов уговорить ее.

Раненых снимали с телег, обмывали, перебинтовывали, подавали спешную помощь – в передней комнате, потом уносили на топчаны. Ангелина стояла у повозок, Нанси распорядилась в палате. Нынче пришло четыре телеги, в каждой по пять раненых, больше двух телег к крыльцу не могли пристать, остальным приходилось ждать в отдалении. Ангелина прошла вдоль тех телег, сказала несколько ободряющих слов; сама немного успокоилась, услышав общее: «Ништо, сестрица, мы потерпим... долее терпели!» Но из последней телеги она вдруг услышала такую злобную брань, что едва уши не зажала. И что самое дикое – голос изрыгал проклятия не французу-супостату, не боли своей, даже не докторам и сестрам, заставляющим его бесконечно долго ждать, а соседу,

недвижимо лежащему в той же телеге.

– Ты что разошелся? – возмущенно выкрикнула Ангелина. – Кого клянешь? Постыдился бы!

Черные злые глаза блеснули так, что Ангелина осеклась.

– А ты мне кто – совестить? Почитай, какую уж неделю в пути я в телеге этой, а он-то все одно балабонит: лодка-самолетка да лодка-самолетка. А, будь ты неладен! Тут и у Господа Бога терпенье бы лопнуло, коли тебе с утра до ночи в ухо одно и то же бубнят!

Злость Ангелины прошла. Этот бородач был совершенно измучен, находился на пределе сил. Его можно было только пожалеть! Она наклонилась, желая рассмотреть того, кто его так разозлил, – и отшатнулась, когда холодный лунный свет отразился в неподвижных серых глазах, заострил чеканные черты лица. Никита!.. И он мертв!

Понадобилось несколько мгновений, чтобы понять: она ошиблась. Этот юноша не Никита Аргамаков – и он еще жив. Вот именно – еще!

У него было худое, строгое, почти иконописное от муки лицо, но в размахе бровей и твердых губах таилась скрытая сила, и когда Ангелина вновь осмелилась заглянуть в его глаза, она ощутила, как сжалось сердце. Он смотрел словно бы уже из некоей запредельности. Она чувствовала его горячее дыхание, слышала бессмысленный шепот: «Лодка-самолетка. Лодка-самолетка...» – а взгляд его летел к ней издалека. Чудилось, душа этого юноши уже покинула тело и лишь последний ее отблеск сверкает в глазах.

Ангелина поняла, что это последний взор жизни! Последнее биение ее!

Она со всех ног бросилась за санитарями. Уже через полчаса обмытый, с перевязанной грудью и бедром раненый, чей тихий бред так и не прекращался, был внесен в палату и уложен у окна.

Тяжелая ночь длилась долго, но Ангелина несколько раз улучала мгновение, подбегала к этому топчану и слышала все те же слова: «Лодка-самолетка. Лодка-самолетка...»

Яркая луна печально глядела в измученное лицо, высвечивая каждую его черточку. Ангелина прижала руку к горлу, где копилась слезы. Не затем ли она положила этого незнакомца к окошку, чтобы еще раз поддаться лунному обману и хоть в воображении вновь увидеть то незабываемое лицо? Но это был другой, совсем другой человек. И все же Ангелина знала: ни за что не отдаст его смерти.

* * *

Всякое свободное мгновение она теперь проводила рядом с ним, слушая все то же тихое бормотание. Теперь Ангелина знала, что его «лодка-самолетка» и впрямь имеет вид огромной ладьи с крыльями, плившей по синим волнам небесного океана. По двадцать человек сидят вдоль бортов, управляя этими крыльями, а вместо паруса над лодкой поднят преогромный шар, наполненный горячим воздухом. И еще в бреду все чаще звучало название какой-то деревни – Воронцово – и два имени: Ростопчин и Леппих.

Ангелина не знала, кто такой Леппих и где находится Воронцово, однако фамилия всесильного московского губернатора заставила ее насторожиться. Это уже мало походило на безумный бред, и она решила завтра же привести в госпиталь деда, чтобы и он послушал эти странные слова, однако внезапно бред прекратился. Наступил кризис. Сутки раненый пролежал пластом, молча, смертельно бледный, и Ангелина то и дело подносила к его губам зеркальце, пытаясь уловить слабое дыхание.

Лежащие по соседству раненые поглядывали на нее участливо, шепча слова ободрения, и только черноглазый бородач, который никак не мог простить, что «этого губошлепа» положили на самое лучшее место, у окна, не стесняясь, выражал свою радость, что уж завтра-то он займет освободившийся «на воздушке, на солнушке» топчан.

Ангелина едва сдерживалась, чтобы не обрушить на его голову проклятия. Но вдруг забыла обо всем на свете: на ней остановился внимательный взгляд сероголубых, на диво ясных глаз того самого раненого, которого она уже почти оплакала.

Он очнулся! Он вернулся из своего далека! И, вся во власти безмерного счастья, Ангелина схватила его за руку и пробормотала:

- Как тебя зовут?

Будто именно это сейчас было самым главным!

* * *

Его звали Меркурий. Позже, когда смерть и впрямь отступилась от него, Ангелина спросила, почему его назвали в честь римского бога и вестника богов. Он усмехнулся:

- Нет. Мой святой – мученик Меркурий Смоленский, воин. Слыхала о нем?

Ангелина пожала плечами, и тогда Меркурий поведал ей быль о русском ратнике, в одиночку побивавшем несчетные полчища татар, подступавших к Смоленску во времена достопамятные. После одной такой битвы Меркурий нес ночную стражу, но сморил его сон, и тогда подкрались к нему враги, навалились всем скопом и обезглавили. Татары не сомневались, что уж теперь-то путь на Смоленск им открыт. Но пока они упивались предвкушением победы, мертвый Меркурий встал и, держа в руках свою отрубленную голову, двинулся потайной тропой к городу. Он дошел до ворот, и голова его кровавым языком провещала тревогу, после чего Меркурий безжизненно рухнул наземь. Но защитники смоленские уже изготовились к обороне – и столь удачно отбили вражий натиск, что татары надолго забыли путь на Смоленск, где и погребены были святые мощи Меркурия-воина.

Ангелина с внутренней дрожью выслушала эту странную историю и долго потом не могла смирить биения сердца. Во всем облике Меркурия было для нее нечто неотразимо влекущее и вместе с тем отстраняющее – непостижимое сочетание, подобное блеску солнца на ледяной глади реки. И в его взгляде Ангелина тоже видела мучительное влечение к ней как к женщине – и отрешенное спокойствие схимника, воспретившего себе всякую надежду на счастье.

И все же они сдружились. Меркурий даже поведал Ангелине тайну своего происхождения: молоденькая крестьянка в муках родила его у стен монастыря – и замерзла на ноябрьском морозе. Монахи подобрали дитя, окрестили его по имени святого мученика, коего поминали в тот день, и Меркурий вырос среди них готовым для монастырской жизни, однако два года назад – ему едва исполнилось семнадцать – скончался ключарь[13 - Духовное лицо, заведующее ризницею и церковной утварью.], брат Арсентий, и перед смертью признался, что именно он, тогда еще просто смиренный инок Арсентий, соблазнил красавицу Татьяну, а потом, убоявшись содеянного, бросил ее на произвол судьбы чреватую, так что монастырский приемщик Меркурий – чадо греха и его, Арсентия, сын.

Эта история потрясла юношу и отвратила его от монашеской стези. Он мечтал о страданиях для искупления греха, доставшегося ему по наследству, а потому, прибавив недостающие лета, пошел в рекруты взамен сына хозяйки дома, где как-то раз остановился на ночлег во время странствий. Началась война. Полк, где служил Меркурий, стоял под Москвою – об этой поре своей жизни он почти не упоминал, – потом спешно был двинут на фронт. В первом же сражении Меркурий, тяжело раненный, уже не сомневался в скорой своей кончине, но, очнувшись и увидев прямо перед собою синие девичьи глаза, исполненные тревоги, почувствовал, что Господь простил ему родительский грех и в знак этого послал своего ангела. Ангелина с первого взгляда растрогала его сердце, а узнав ее имя, Меркурий взглянул на нее с каким-то суеверным ужасом – и она вновь ощутила необъяснимую связь меж их душами и судьбами.

Впрочем, наяву в Меркурии не было ничего мрачного: ну, ранен, ну, изнурен, а духом бодр, нравом покладист, приветлив, поддерживает излюбленные рассуждения старого князя Измайлова о том, что, слава богу, Кутузов в армии, продли Господь его жизнь и здоровье, вместе с соседями он пел даже разудалую частушку про француза-супостата:

Летит гусь

На Святую Русь,

Русь, не трусь.

Это не гусь,

А вор – воробей!

Русь, не робей,

Бей, колоти

Один по девяти!

Чуть Меркурий пришел в сознание, он напрочь забыл о «лодке-самолетке», образ которой неотступно преследовал его в бреду.

Общение с ним было приятно не только Ангелине. Удостаивали его своим вниманием и сестры из офицерской палаты, особенно Нанси, и даже – что было всего поразительнее! – сама мадам Жизель.

* * *

Чем сильнее разгорался пожар войны, тем настороженнее становилось отношение к французам. Гостеприимного дома мадам теперь избегали прежние завсегдатаи, даже Ангелине было как-то неловко, днем ухаживая за русскими ранеными, проводить вечера с соплеменницею тех, кто вверг в страдания их – и всю Россию. И вот в один прекрасный день, одетая в простое холстиновое платье, с волосами, смиренно убранными под платок, мадам Жизель явилась перед княгиней Елизаветою с мольбою допустить ее до работы – пусть и самой черной! – в госпитале. Княгиня согласилась – более от изумления, нежели от восхищения таким порывом. Так ли, иначе – мадам Жизель оказалась в солдатской палате и довольно прилежно принялась за дело.

Раненые сперва дичились ее, да и она то и дело тянула носом из табакерки, не в силах скрыть брезгливость. Однако за несколько дней с ней произошла диковинная перемена: нарумяненная кокетка бесследно исчезла, а на смену ей явилась приветливая «матушка Жиз» – еще не старушка, но вполне почтенная, заботливая, приветливая женщина, которая умела успокоить самого расхолодившегося раненого своими песенками про пастушка Жана, или про Жаннет и белую козочку, или про разбитое сердце юного рыцаря... Песенки пелись то по-французски, то на каком-то вовсе непонятном языке, однако «матушка Жиз» весьма ловко перелагала их на русский, и эти баллады, и ее приятного тембра голосок успешно соперничали с разглядыванием множества лубочных картинок, на которых изображалось, как ополченцы Гвоздила и Долбила колошматили французов; надписи под картинками гласили: «Вот тебе, мусье, раз, а другой – бабушка даст!» Или: «Не дадимся в обман, не очнешься,

басурман!» Песенки матушки нравились всем. Кроме Меркурия.

Юноша вызывал у мадам Жизель явную симпатию, но сам он питал к ней неприязнь, с трудом скрываемую лишь из вежливости. «Матушка Жиз» обожала выслушивать рассказы раненых об их воинских доблестях, но стоило ей подступиться с расспросами к Меркурию, как он замыкался в себе, а то и просто отворачивался к стене.

Как-то раз мадам Жизель пожаловалась Ангелине:

- Этот солдат слишком дик! Он видит во мне *la espionne*[14 - Шпионку (фр.)]. Но, *ma foi, il voit le diable on n'existe pas!*[15 - Клянусь честью, ему мерещится черт там, где его нет! (фр.)]

Ангелина искренне любила мадам Жизель, но ей нетрудно было понять Меркурия, который не желал принимать помощь и говорить на одном языке с соотечественницей врага, опустошавшего его страну.

Возможно, осердясь на Меркурия, «матушка Жиз» сперва оставила свои расспросы, а потом, сказавшись больной, и вовсе исчезла из госпиталя. Раненые скучали по ее веселым песенкам; черноглазый бородач пенял Меркурию – мол, это его нелюбимость отпугнула ласковую матушку. Меркурий отмалчивался, сосредоточенно глядя в окно. Ангелине чудилось, что он разговаривает искренне только с нею. Лишь она знала о непрестанной внутренней борьбе, которая терзала Меркурия: христианин в нем не хотел ненавидеть врагов – однако Меркурию казалось, что ни в древней, ни в новой истории не сыщешь поступков, подобных действиям Наполеона против его Отечества. Он видел нищету, отчаяние, пожары, голод, все ужасы войны и с трепетом взирал на землю, на небо и на себя. Нет, он слишком болезненно воспринимал раны, нанесенные России, чтобы вытерпеть здесь положенное для лечения время.

Ангелина знала, что Меркурий томился по ней, но никому не поверял своей тоски; ходил по ночам в саду один, пугая сонных птиц, а как-то раз она увидела свое имя вырезанным на коре березы. Но предрассудки света тиранствуют меж людьми, и как ни тянулись друг к другу молодой солдат и баронесса, они все же оставались теми, кем были.

Да и с Ангелиной сделалось нечто диковинное. Оставайся Меркурий расprostертым на предсмертном одре, она, быть может, и полюбила бы его той нежной, заботливой, сестринской любовью, которая ему вовсе была не нужна. Однако видеть страсть в его взоре, слышать стук его сердца и дрожь голоса – нет, это почему-то вдруг стало ей немило. Два месяца войны изменили ее. Теперь некогда неуверенная, слабая девочка духовно окрепла, сердце ее исполнилось сурового, терпеливого спокойствия, и если она прежде мечтала только о внимании со стороны неведомого сильного существа – мужчины, то за время работы в госпитале она слишком много видела слабых мужчин, чтобы по-прежнему быть готовой подчинить всю себя их прихотям. Меркурий уж очень долго от нее зависел, чтобы она отважилась теперь зависеть от него. Суровое смирение было ей чуждо: вся ее натура выказала себя в тот жаркий полдень на волжском берегу! Тихое, ровное свечение самоотверженного сердца? Нет, только не это! Вот так и случилось, что Меркурий сделался ей как бы братом, хотя мог стать... Бог весть, кем мог бы он стать! Но судьба распорядилась иначе.

* * *

Как-то раз в госпитале появился незнакомец. Это был невысокий сухощавый капитан-артиллерист с суровыми чертами не улыбочивого лица и цепким взглядом. Никаких особенных знаков отличия и наград на его мундире не было, однако стоило ему присесть на топчан какого-нибудь раненого и сказать несколько слов своим тихим, скрипучим голосом, как тот, казалось, готов был вскочить и с беспрекословной готовностью исполнить всякое слово неведомого капитана.

Нанси Филиппова однажды попыталась сделать капитану выговор за то, что, дескать, тревожит он слабых и немощных, однако тот, взглянув на нее с видимой скукою, обронил, почти не разжимая губ:

– На войне, мадам, каждый делает свое дело, и не след мешать исполнять мне мой долг!

Чудилось, незнакомец в одно мгновение увидел Нанси насквозь: с ее леню и брезгливостью, с ее сноровкой увилывать от тяжелой работы и умением «выставляться», коснувшись лба красивого выздоравливающего и обойдя невзрачного умирающего. Более того: Ангелине почудилось, что эти слова, взгляд капитана и ее тоже вмиг поставили на место. Кому же еще ходить за

хворыми, как не ей? К тому же они утратили силы и здоровье, пытаюсь остановить врага, тянувшего свои кровавые лапы ко всякому русскому человеку – стало быть, и к Ангелине тоже. Чем же ей особенно гордиться? Заноситься – с чего? Надобно делать свое дело и не мешать другим выполнять свое – правильно говорит капитан!

А он, переговорив с каждым обитателем офицерской палаты, перешел в солдатскую, и первый, кого увидел, был Меркурий.

Капитан изумленно смотрел на Меркурия, на лице которого, будто в зеркале, отразилось то же самое выражение.

– Муромцев, брат! Неужто ты?!

– Ваше благородие?! – И Меркурий принял стойку «смирно», а капитан бросился дружески хлопать его по плечу.

Капитан с Меркурием тихо обменивались короткими репликами, половину которых Ангелина не расслышала, поскольку занята была другим. Потому она только с пятого на десятое поняла, что еще в первые дни войны Меркурий служил под началом сего капитана Дружинина в том самом селе Воронцове, которое столь часто связывалось с его бредом о лодке-самолетке, немало там в службе своей преуспел, а оттого капитан рад-радешенек этой встрече и имеет на Меркурия некие виды. О сем речь велась, впрочем, очень и очень туманно, Ангелина только и сообразила, что дело требует великой секретности.

4

КОГО ИСКАЛА СМЕРТЬ?

В общем-то, ничего особенного в хождениях капитана Дружинина по госпиталю не было: просто-напросто в Нижний днями прибывал какой-то важный груз военного назначения, вверенный попечению капитана и требующий охраны. А поскольку людей, годных к службе, после отбытия на фронт нижегородского ополчения в городе сыскать было трудно, капитан и набирал команду среди

выздоровливающих. Он и прежде знал служебные качества солдата Меркурия Муромцева – понятно, что и доверял ему более, чем прочим.

Теперь за Меркурием что ни день прибывала закрытая повозка – черная и весьма приметная своими малыми размерами и удобством. Принадлежала она военному ведомству, а потому всегда была запряжена сытыми бойкими лошадьми – правда, рыжей масти, столь нелюбимой князем Алексеем. Ангелина слышала от него с раннего детства: «Продай лошадь вороную, заботься о белой, сам ездь на гнедой... но никогда не покупай и не запрягай рыжую лошадь!» Впрочем, и рыжие лошади послушно шли в упряжке, подчиняясь армейскому кучеру Зосиме с диковинным отчеством – Усфазанович, коего все называли просто Усатычем, для удобства произношения и по правде жизни, ибо он взрастил и взлелеял на своем маленьком худеньком личике такие усищи, что они составляли главную примету его щедедушного облика. Усатыч исправно отвозил Меркурия на окраину города, к Арзамасской заставе, где, обнесенный высоким забором, спешно строился огромный сарай, а в нем сооружались какие-то загадочные приспособления, за чем надзирал капитан Дружинин и в его отсутствие – Меркурий.

Ни к плотницкому, ни к строительному ремеслу Ангелинин подопечный не имел отношения. По простоте душевной она так прямо и спросила: неужто не сыскалось в Нижнем Новгороде более сведущего в сем деле человека, чем едва живой после раны солдат?! И была немало удивлена, когда всегда откровенный Меркурий вдруг начал что-то невнятное плести: мол, капитан верит только тем, кого знает по службе, – и при этом он отводил глаза, краснел... словом, вел себя так глупо, что Ангелина невольно задумалась над сутью происходящего.

Любопытство Ангелины разгорелось, однако не пытаться же ей Меркурия! У чужих людей спрашивать не хотелось: мало ли какие секреты у капитана Дружинина, время все-таки военное. Тащиться просто так к Арзамасской заставе было неохота. Она дожидалась удобного случая – и дождалась!

Как-то раз вышла на крылечко после ночного дежурства, глядь – поздний август затянул небо серою завесой дождя, а измайловской кареты на месте нет. Ангелина, и пешком до дому пробежавши, ног бы не сбила и под дождиком не растаяла, однако, увидев знакомые усы и рыжих лошадей, она тут же прикинулась такой беспомощной и растерянной и так жалобно запричитала, что ей всенепременно нужно навестить болящую Зиновию Василькову, а как же быть, ежели нет ее кареты?! И Меркурию, который как раз в это время собирался

ехать по обычному маршруту, ничего не оставалось, как подвезти Ангелину. Им было по пути: Зиновия Василькова жила в самом конце Покровской улицы, а это было совсем недалеко от Арзамасской заставы! Правда, еще предстояло уговорить Меркурия довезти ее до пресловутого строительства... Ну ничего, она придумает какой-нибудь предлог, как-то исхитрится!

Однако ломать голову над предлогом ей не пришлось. Чуть только съехала черная карета с госпитального двора и запрыгала по ухабистому переулку, как вдруг что-то резко треснуло сзади, карета накренилась и начала медленно, но неостановимо заваливаться набок.

- Что?.. - воскликнул Меркурий, но больше ничего не успел сказать.

С козел донеслись вопли Усатыча, испуганно ржали, бились кони, еще больше раскачивая карету. Меркурий попытался поддержать Ангелину, но тут опять что-то затрещало - и карета кубарем покатила в обрыв.

* * *

Ангелина ни на миг не теряла сознания: все мысли и чувства словно бы съежились в ней, как съежилась и она сама, даже не пытаясь защитить себя от толчков и ударов, а просто подчинившись каждому броску обезумевшей кареты. А когда та замерла на дне оврага, замерла вместе с нею, недоверчиво прислушиваясь к окружающему - неужто все кончилось?!

У Ангелины кружилась голова, но даже страха не было, а только изумление: надо же, вокруг нее хаос, небо с землей поменялись местами, сиденья кареты оказались над головой, днище разошлось, и оттуда торчит зеленая листва, а внизу кто-то стонет. Понадобилось время, чтобы она поняла: это стонет Меркурий - и осознала весь ужас случившегося, но следом и порадовалась: если стонет - значит, жив!

В карете было темно, Ангелина ощупью стала искать Меркурия, но тут до нее долетел чей-то быстрый шепот:

- Le cocher est mort![16 - Кучер мертв! (фр.)]

Говорили по-французски, и это поначалу так ошеломило Ангелину, что она даже не сразу осознала смысл фразы: кучер мертв... но кучер – это ведь Усатыч?!

Она в отчаянии заколотила кулаками в стенку кареты, и ей откликнулся тихий напряженный голос, почему-то показавшийся Ангелине знакомым:

– Bien. C'est lui! Le tirez! Vite![17 - Так. Это он! Вытаскивайте его! Быстро! (фр.)]

В то же мгновение в стенку кареты, возле которой притулилась Ангелина, врезалось острие огромного ножа, потом щель с треском расширилась, и сквозь нее просунулись две руки, схватившие Ангелину – и тут же отпустившие ее, словно обжегшись. Раздался изумленный вопль:

– Une femme est la![18 - Там женщина! (фр.)]

– Une femme?![19 - Женщина?! (фр.)] – вновь раздался знакомый голос, и в зияющем отверстии возникло лицо, при виде которого Ангелина радостно воскликнула:

– Фабьен? Слава богу!

Слава богу, что он каким-то чудом очутился здесь!

Она враз обессилела от счастья близкого спасения, а вместе с тем на нее наконец обрушился страх от того, что свершилось. И когда Фабьен наконец вытащил ее вверх, она вцепилась в него и зашлась отчаянными рыданиями. Ангелина не помнила, кто и как поднимал карету, выносил Меркурия, уносил мертвого кучера, выпрягал переломавших ноги, жалобно стонущих лошадей, – она все рыдала, прижимаясь к Фабьену и думая только об одном: ах, кабы ее вечно обнимали эти теплые руки, вечно шептал бы слова утешения и любви этот ласковый голос!

* * *

Чуть не на полдня Ангелина отправилась в церковь, била поклоны, молилась, чтобы избавиться от всякой дряни, прилипшей к душе. Она вышла из храма, чувствуя себя гораздо легче, словно бы омылась в водах покаяния. Она

прибежала в госпиталь, мечтая о завале работы, когда не то что грешным мыслям предаваться – дух перевести некогда, однако именно сейчас настало в палатах малое затишье, и ничто не отвлекало ее от воротившегося пагубного томления... кроме воспоминаний о пережитом ужасе, о голосах, подавших надежду, о том успокоении, что охватило ее в объятиях Фабьена...

Вот же лукавый как обводит! Все начинается сызнова!

* * *

В госпиталь не замедлил явиться капитан Дружинин: нахмуренный, с поджатыми губами. Так глянул на Ангелину, что она поняла: капитан едва сдерживается, чтобы не обвинить в случившемся ее глупое девичье любопытство – вроде как рыболовы-волгари, которые во всякой малости винят женщину, оказавшуюся на судне.

Однако вскоре выяснилось, что угрюмость господина Дружинина имеет и другое происхождение: почти в то же время, когда перевернулась карета, едва не погиб и он сам! Произошло сие случайно: шел капитан мимо складского двора неподалеку от заставы. На том дворе сверху бросали тюки да мешки. Обыкновенно при погрузке стеречь проходящих должен махальщик, а тот, верно, не пожелал мокнуть – сеял дождик – да и спрятался под навес. Капитан шел в задумчивости, и вдруг один тюк пролетел у его виска и бухнулся наземь, треснув по швам. Грузчики ахнули и завопили, откуда ни возьмись выскочил махальщик с криком: «Ну, господин, видно, Бог вас бережет!»

Что было делать Дружинину, как не дать махальщику в ухо со словами: «Ты, сукин сын, не тогда прохожего остерегай, когда ему мешок на голову упадет, а хоть за минуту до этого».

Словом, несчастливый выдался денек, что и говорить!

Спустя еще три дня Меркурий оправился настолько, что проявил желание отправиться на Арзамасскую заставу пешком – «чтобы не искушать судьбу». От Дружинина явился за ним сопровождающий солдат – и оба потопали потихоньку. Вечером воротился Меркурий смертельно усталый, но бодрый духом: им удалось сегодня сделать то, что прежде никак не удавалось. Однако тотчас усталость

взяла верх, и он, чуть не со слезами прошептал: «По слухам, решено Москву сдать, не сегодня, так завтра!» – сонно поник головою.

Они с Ангелиною сидели на крыльце: была глубокая ночь, все спали в госпитале, поэтому юная баронесса не стала никого тревожить, а сама принесла Меркурию из кухни хлеба и кувшин молока.

От слов его Ангелина задрожала. Едва подавив готовое сорваться всхлипывание, она огляделась испуганными глазами, словно не веря, что вокруг нее простирается тот же мир, что и минуту назад... мир, в котором русская столица будет отдана врагу!

– Ох, душа болит... – прошептал Меркурий, прижав руки к груди, словно пытаюсь утишить эту боль. – Знаете, Ангелина Дмитриевна, вот у нас в полку... У каждого солдата была смертная рубаха: чистое исподнее, чтоб перед страшным боем облачиться. Как-то раз, под Смоленском, готовились мы в дело. Ну, думаю, если придет последний час, предстану перед Господом во всем чистом. Раскрыл свою котомку – а смертной рубахи моей нет. Потерял, думаю, или украл кто? И пошел в бой в том, что на мне было. Помню... схватились врукопашную... замахнулся француз штыком, а у меня нога подвернулась – я и упал. И мусью пронзил вместо меня другого нашего... Но я вскочил да положил ворога на месте, а потом склонился над тем, кто мой удар принял, рванул окровавленный ворот его мундира, чтобы помочь... А исподняя-то рубаха на нем – моя! С пятнышком приметным у ворота... Он ее взял и смерть мою принял на себя! Вот так же в тот день душа моя разрывалась и рыдала от боли!

Ангелина молча погладила его руку.

Ночь обнимала их: ясная, лунная; звездный дым струился в вышине. Громко трещали кузнечики, а издали доносилось упоенное лягушачье кваканье. Однако слышалась и настоящая музыка: она долетала с Печерской улицы, где было здание городского театра, построенное князем Николаем Григорьевичем Шаховским. И так вдруг нестерпимо стало Ангелине сидеть на крылечке, слушать шум берез, в котором словно бы еще раздавалось эхо слов Меркурия: «По слухам, решено Москву сдать... по слухам...» Она встала и, потянув за собою понурого Меркурия, побежала через двор, потом по кромке осклизлой дороги – прямиком к большому сараю из грубо тесанных бревен без обшивки: такой неказистый внешний вид имел городской театр. Впрочем, и внутри был он не больно-то уютен. Представление было уже в разгаре, даже служители не

упустили случая поглядеть на сцену, потому что в очередной раз давали драму Крюковского из нижегородской жизни – «Пожарский».

Все в зрительном зале было погружено во тьму – только светились огоньки рампы да несколько фонарей горело в проходах, и в их неверном свете можно было рассмотреть два яруса лож, предназначенных семейным помещикам и богатым горожанам.

Внезапно Ангелина увидела князя Шаховского: он стоял, облокотясь на барьер ближней к сцене ложи, и о чем-то быстро говорил со зрителями, сидевшими там.

В ложе горел огонек, едва освещавший породистый профиль старика Шаховского. Рядом с ним востроглазая Ангелина разглядела знаменитого писателя Карамзина: он жил в доме нижегородского старожилы Аверкиева близ Сретенской церкви. Ангелина до дыр зачитала карамзинские романы «Бедная Лиза» и «Наталья – боярская дочь», мечтала быть представленной Карамзину, но понимала, что это невозможно. Ее восторг перед ним усилился, когда ей передали новое изречение Карамзина: «Наполеон пришел тигром, а уйдет зайцем!»

По слухам, он писал здесь главы своего исторического труда, относящегося к Смутному времени 1611–1612 годов.

Тем временем на сцене князь Димитрий, воздев руку, обратился к «ополчению»: «То чувство пылкое, творящее героя, покажем скоро мы на поле боя!» – и Карамзин первым закричал: «Браво!» – а зал разразился рукоплесканиями.

Стоявший рядом с Ангелиной Меркурий прерывисто вздохнул, и, покосившись, она увидела, что лицо его исполнено той же печали, которая тяжелым камнем лежала на сердце Ангелины.

– Они ведь ничего не знают, – пробормотала она, закрыв лицо ладонями. – Они еще ничего не слышали про Москву!

Ей было так тяжело, словно все горе отступающей, побеждаемой России лежало сейчас на ее плечах и пригибало к земле. У Ангелины подкашивались ноги, и она с облегчением повисла на руке Меркурия, когда тот осторожно повлек ее вперед:

– Пойдемте. Вы едва стоите. Я отведу вас домой.

Ангелине стало стыдно. Мысль о привычных хлопотах заставила ее встрепенуться:

– Нет, пошли скорее. Тебе надо лечь, отдохнуть хорошенько. Завтра небось Дружинин опять придет за тобою?

– Завтра? Ох, завтра... я и забыл совсем! – воскликнул Меркурий. – Завтра ведь ее уже привезут!

– Кого? – равнодушно спросила Ангелина. Но она запнулась, когда Меркурий шепнул горячечным, задышающимся шепотом:

– Самолетную лодку!

В первую минуту Ангелина невольно потянулась ладонью ко лбу Меркурия: не жар ли у него?

Но Меркурий раздраженно отбросил ее руку и пошел к госпиталю, да так споро, что Ангелина едва поспевала за ним. Войдя во двор, Меркурий неожиданно обогнул крыльцо и, даже не простившись, зашагал куда-то в сторону.

– Ты куда?! – испуганно вскрикнула Ангелина, уверившись, что у Меркурия в голове помутилось, но тут же сообразила, что обидевшийся Муромцев просто-напросто идет к окну, под которым стоит его топчан, не желая пробираться через спящую палату.

Луна стояла в вышине, и Ангелине было хорошо видно, как Меркурий подтянулся к подоконнику, занес ногу, чтобы перебраться через него, но вдруг замер, словно пораженный неожиданным ударом, – и медленно сполз обратно во двор, свалился под окном на траву. Ангелина подбежала, упала рядом на колени и разобрала тихий шепот:

– Убили... убили меня!

Она не закричала только потому, что голос у нее пропал. Приникла к Меркурию, зашарила руками по его плечам, груди, отыскивая кровавую рану, потом сжала ладонями побледневшее лицо с закатившимися глазами.

- Что? Что?! - вымолвила сквозь рыдания.

Меркурий с трудом поднял веки, едва шевельнул губами:

- Он там лежит... там... - И опять бесчувственно поник.

Еще раз ощупав Меркурия и убедившись, что он не ранен, Ангелина решилась заглянуть в окно.

Она увидела, к своему изумлению, что на топчане Меркурия лежит какой-то человек и, чудится, крепко спит. В лунном свете она без труда узнала чернобородого ругателя, и вдруг тускло проблеснуло лезвие ножа, вонзенного в его горло...

Ангелина мешком свалилась во двор, припала к Меркурию, вся дрожа. Кровь бухала в ушах, но какое-то неведомое чувство вдруг подсказало ей: нет, это не сердце колотится, а раздаются чьи-то шаги - крадущиеся, почти беззвучные... оглушительные!

Она безотчетно пошарила вокруг, ища орудие защиты, хоть палку, хоть ветку, и не поверила ушам, услышав знакомый голос:

- Барышня! Где вы, отзовитесь! Князь меня за вами послал, я уж все глаза проглядел! Домой извольте ехать, барышня!

Господи милостивый, да ведь это не тать ночной, душегубец - это Филя, их кучер!

Ангелина враз обрела силы, окликнула его, велела помогать - поднять Меркурия, отвести его в коляску, да скорее, да тише!

Ее не оставляло ощущение злобного, недоброго глаза, вперившегося в спину, - и она перевела дух, лишь когда кони зацокали копытами по мощеному двору

измайловского дома и в окне показался со свечой в руке князь Алексей, ворчливо окликнув:

– Куда это ты запропала, Ангелина?!

От звука родного голоса она чуть не закричала, желая скорее сообщить о случившемся, как вдруг прихлопнула рот руками, пораженная догадкой, будто молнией: ведь чернобородый, воспользовавшись отсутствием Меркурия, постарался-таки заполучить топчан, который давно привлекал его завистливую душу, но заодно получил и участь, уготованную Муромцеву... В точности как тот человек, что надел перед боем его смертную рубаху.

5

ЛЮБОВНОЕ СВИДАНИЕ В УКРОМНОМ УГОЛКЕ

Самые страшные слухи подтвердились: после кровопролитного сражения на Бородинском поле Наполеон вошел в Москву.

Смятение в умах царило неопишное. Люди отказывались верить очевидному, предполагая в этом распространяемые французами измышления.

Всех изумляли причины, побудившие Кутузова дать бой при Бородине, хотя русское войско было гораздо слабее неприятельского и потому не могло надеяться на победу. Однако невозможно ведь было отступать далее! Кутузов желал воротить армии веру в себя, уже подорванную после бесчисленных позиционных маневров прежнего главнокомандующего.

По скудным сведениям, распространившимся в обществе, задача Кутузова состояла в том, чтобы подействовать на настроение обеих армий и умов в Европе (несокрушимый Наполеон изранен, изнемогает, обливается кровью!), – но так или иначе, а сдача Москвы была предрешена.

Все так, все логично и постижимо умом... но непостижимо сердцем. Древняя Москва для русских не просто город, но мать, которая их кормила, тешила и

обогащала, а блестящий, нарядный Петербург значил почти то же, что все другие города в государстве.

По рассказам очевидцев, несколько недель зарево пылающего града освещало темные осенние ночи, а окрестности могли бы послужить живописцу образцом для изображения бегства библейского! Ежедневно тысячи карет и телег выезжали во все заставы и направлялись одни в Рязань, другие в Ярославль, третьи в Нижний Новгород, и вслед за прибытием новых и новых беженцев спокойствие окончательно покидало провинцию. Всяк ощущал одно: мы живем, не ведая, что ждет впереди, не смея даже задумываться о будущем, ибо, если Господь не сжалится над Россией и не пошлет ей свою помощь, такое понятие, как «будущее», исчезнет и для нее, и для ее обитателей.

Князь Алексей называл уныние грехом и приказывал своим домочадцам не грешить, приводя многочисленные примеры из древней истории и из жизни собственной и своей княгини. Ангелина и рада бы не унывать, но как ни вооружайся храбростью, а, слыша с утра до вечера лишь о гибели да о разорении, невозможно же не принимать к сердцу всего, что слышишь!

Да еще эта страшная история с Меркурием... Его самого чуть было не заподозрили в убийстве чернобородого, немалые досады ему чинившего! Да спасибо Ангелина защитила его правдивым свидетельством, что весь вечер и начало ночи Меркурий был под ее приглядом. Вдобавок обнаружилось, что сбежал из госпиталя санитар Михайло. Теперь кто-то припомнил даже, будто он был некогда кучером, да, попав однажды во власть белой горячки, едва не зарезал обоих своих седоков ножом, насилиу, мол, его умилоствовали. Припомнили, что сей Михайло с бородачом нередко лаялся – вот, верно, и не стерпело у него ретивое, разум его помрачился: зарезал он обидчика, да и ушел бог весть куда.

Однако никак не могла Ангелина себя убедить, что все так и есть, что не покушался некий злодей именно на Меркурия!

Зачем? Какая такая важная птица этот монастырский приемыш? Кому столь нужна его жизнь – вернее, его смерть? Не знала Ангелина, а все ж вещая женская душа покоя не находила. Черные мысли терзали ее, а поделиться было не с кем: старый князь с княгиней не верили, что кто-то решился бы причинить зло тишайшему Меркурию, а самого его в доме Измайловых уже не было. Сразу после странной той ночи приехал за ним Дружинин и увез его на Арзамасскую

заставу, куда уже прибыли сто тридцать тяжело груженных подвод в сопровождении многочисленного конвоя. Востроглазые зеваки успели увидеть, как усталые солдаты переносили во двор какие-то шары, странные сооружения из стальных прутьев, рулоны тафты и множество вовсе непонятных вещей, причем руководил ими не только капитан Дружинин, но и Меркурий. Более он к Измайловым не возвращался, только передал Ангелине с оказией, на словах, свой сердечный привет и просьбу – о нем более не тревожиться.

Легко сказать!

Ангелина обиделась. Она одна, можно сказать, спасла Меркурия от смерти, выходила его, утешала после того ночного кошмара – и вот он отвернулся от нее, как от ненужной вещи, и ушел заниматься своими таинственными делами.

Меркурий в ее глазах стал еще одним мужчиною, который получил от нее все, что хотел, – и бросил ее. Никита Аргаматов взял ее тело, ее страсть. Меркурий – ее дружбу и привязанность. Оба взяли ее как могли – и бросили. Отшвырнули!

И в том состоянии глубочайшего оскорбления, в коем пребывала Ангелина, для нее благотворным елеем явилось приглашение Фабьена пожаловать к ним в дом, на бал, даваемый в честь его именин.

* * *

Впрочем, надо отдать Ангелине справедливость: чуть только оскорбленное тщеславие ее было удовлетворено, она осознала всю щекотливость своего положения.

Мало что идет война! Армия разбита, враг в Москве. И сейчас идти плясать под веселую музыку в доме соотечественников Наполеоновых? Как бы радоваться вместе с ними страшному поражению России?! Вежливый отказ Ангелина написала сама, даже не сочтя нужным обременять деда с бабушкой, однако отослать свое письмо не успела: в доме Измайловых объявилась нежданная гостья – маркиза д'Антраге.

Она была все такая же: таинственная и очаровательная. Засвидетельствовав свое почтение Измайловым и преодолев первую натянутость, познакомилась со

своей заочной протее – Ангелиною – и передала несколько комплиментов от мадам Жизель уму, красоте и нраву молодой баронессы. Ангелине было приятно, хотя и стеснительно. Тактичная маркиза сменила тему и принялась рассказывать о путешествии по России, которое предприняла в разгар войны знаменитая французская писательница мадам де Сталь.

– Насколько мне известно, ее болтливость отчасти стала причиной поимки королевской семьи в Варенне?[20 - Речь идет о попытке Людовика XVI и Марии-Антуанетты бежать из охваченной революцией Франции в июне 1791 г. Королевская карета была перехвачена в местечке Варенн, король и королева с позором возвращены в Париж.] – сухо произнесла княгиня Елизавета.

– Mon Dieu![21 - Бог мой! (фр.)] – в ужасе вскинулась маркиза. – Это нонсенс! Слишком многие были осведомлены о плане бегства королевской семьи. Может быть, госпожа де Сталь и проболталась кое-кому об этом в Национальном собрании... Но это не помешало королевской семье ускользнуть из Тюильри! Впрочем, о том вам известно лучше, чем мне! – тонко улыбнулась маркиза, и Елизавета не могла не улыбнуться с гордостью в ответ, ибо среди тех, кто, рискуя жизнью, пытался спасти королей-мучеников, была ее дочь баронесса Корф.

Ангелина скромно сидела в уголке, слушала с интересом и думала, что, пожалуй, она прежде ошибалась, составив о госпоже де Сталь невысокое мнение из-за двух ее романов. Коринна[22 - Героиня одноименного романа де Сталь.] казалась Ангелине сумасшедшей, безнравственной особой, место которой – в доме умалишенных за ее бегание по Европе в намерении отыскать своего дурака Освальда. «Дельфина» была и того хуже.

Непонятно почему маркиза с таким восторгом говорит о даме, пишущей столь неприятные вещи. И все-таки Ангелина не могла понять, зачем появилась маркиза и к чему клонит. И вдруг все разъяснилось.

– Мадам де Сталь поражена великодушием русских, – сказала маркиза, глядя на хозяев дома с каким-то странным, почти умоляющим выражением. – Она говорила на языке врагов, опустошающих вашу страну, однако говорила о своей ненависти к монстру Бонапарту – и ее в гостиных Петербурга принимали как родственную душу. Ах, мне известно, сколь сурово обошелся с моими соотечественниками граф Ростопчин, но это случай особенный и тем более оскорбительный, что французы, нашедшие убежище в России, и впрямь

почитают ее своей родиной, готовы жизнь за нее отдать!

Князь и княгиня вежливо согласились, что всех мерить на один аршин негоже, вот взять хотя бы графиню де Лоран, которая столько сил положила в госпитале: там до сих пор добром ее вспоминают...

– О, как вы бесконечно добры! – перебила маркиза д'Антраге, и в ее глазах проблеснули слезы. – Так, значит, я могу сказать моей кузине, что вы принимаете ее приглашение быть на балу в честь именин Фабьена?

Измайловы откровенно опешили. Одно дело – признавать несомненные достоинства мадам Жизель, и совсем иное – плясать на балу в ее доме в тяжкую годину войны с французами!

А маркиза, вмиг почуяв их замешательство, тут же перешла в наступление:

– Я прошу вас... умоляю не отказать, поддержать нас всех! Прошу вас быть на балу во имя милосердия, во имя исполнения клятвы Марии, наконец!

– Клятвы Марии? – вскинула брови Елизавета. – О чем вы?

– Однажды ваша дочь дала мне слово исполнить всякую мою просьбу. Это было более двадцати лет назад, но ни разу я не напоминала о том обещании... напоминаю только сейчас!

Елизавета невольно потупилась. Как ни много рассказывала ей дочь о своей жизни во Франции, в этих откровениях оставалось еще много темного, неясного. Кто знает, чем была некогда Мария обязана этой загадочной маркизе, какую клятву могла ей дать!

– Будь по-вашему, – сказала Елизавета. – Мы примем приглашение!

Если князь и хотел поспорить с женою, то не успел: маркиза набросилась на них с такими бурными изъявлениями благодарности, так ловко перевела беседу в иное русло, поведав о своем намерении уже скоро быть в Лондоне, увидеть Марию, что Измайловы думали теперь только о дочери и о том, какие слова приветов передаст ей от них маркиза.

Ангелина тоже чувствовала облегчение, что не придется наносить тяжкую обиду мадам Жизель и Фабьену, однако ее не оставляло ощущение, что маркиза д'Антраге достаточно ловко обвела их всех вокруг пальца... А зачем ей это понадобилось – бог весть.

* * *

Непонятно какие причины побудили многих именитых нижегородцев принять приглашение графини де Лоран, однако собрание в ее доме оказалось весьма оживленным, но почтенных лиц явилось весьма мало: все больше молодежь, как если бы все родовитые горожане откупились сыновьями и дочерьми, подобно Измайловым, которые не нашли в себе сил быть у француженки, однако Ангелину отпустили беспрекословно.

Танцы следовали один за другим непрерывно. Все танцевали как ошалелые – чему во многом способствовало шампанское, щедро разносимое лакеями.

Фабьен сбился с ног, пытаясь оказать равное внимание всем дамам, но чаще прочих танцевал все-таки с Ангелиной. Все нежнее от танца к танцу сияли его глаза, крепче сжимали ее талию его руки. Его возбуждение росло, и, оказавшись прижатой к нему в сумятице котильона, Ангелина ощутила бедром его напрягшуюся плоть.

Она испуганно уставилась в темные глаза Фабьена, и в них вдруг вспыхнул такой пожар, что Ангелина опешила. По его лицу прошла судорога с трудом сдерживаемого желания, и хриплый шепот: «Je vous aime! Je vous desire!»[23 - Я вас люблю! Я вас хочу! (фр.)] – поверг Ангелину в полное смятение. Казалось ей, все увидели, что творится с Фабьеном, все услышали его слова. На балу столько девиц, но только к ней, Ангелине, он осмелился обратиться так непристойно. Опять она опозорилась, опять оказалась хуже всех!

Едва сдерживая слезы стыда, Ангелина вырвалась из рук Фабьена и ринулась прочь.

Какое-то время Ангелина стояла в углу, силясь отдышаться, тупо глядя на толпу танцующих и слушая болтовню молодых людей.

Какой-то фронт захлебывался от наслаждения, перечисляя прелести парижской жизни, и в глазах его светился фанатичный пламень. Так же сияли только что глаза Фабьена, однако это был свет любви, свет страсти. На балу столько девиц, но только Ангелине, ей одной открыл он свое сердце, она одна смогла взволновать его! Почему же она так испугалась?

Приподнявшись на цыпочки, она вглядывалась поверх голов, пытаясь отыскать Фабьена, и наконец увидела, как он торопливо уходит через дверь, ведущую, как было известно Ангелине, в личные покои хозяйки.

Двигимая желанием догнать Фабьена и попросить у него прощения, Ангелина кинулась через зал, пробираясь меж прыгающими парами, провожаемая удивленными взглядами, и вот перед ней протянулся темный коридор. Ангелина замедлила шаги, пытаясь сообразить, где сейчас может быть Фабьен.

Ни одна портьера не шевелилась, ни одна дверь не скрипела. Слабый свет просачивался из бокового окна, и, мельком взглянув в него, Ангелина увидела трех рослых баб в платках и широких юбках, с узлами в руках, которые торопливо пересекли двор и поднялись по черной лестнице. Может быть, это прачки, принесшие белье, или поденщицы, нанятые убрать после бала? Такие-то крепкие да высокие бабы любую работу потянут!

Вдали по коридору зашаркали шаги, и сгорбленный слуга, отворив дверь, впустил теток с узлами, а потом провел их в какую-то комнату и удалился прочь.

Найти Фабьена уже не казалось Ангелине таким важным, воротился прежний холодноватый ужас перед внезапной вспышкой его страсти, и она повернулась, чтобы поскорее вернуться в зал, как вдруг новое движение во дворе привлекло ее внимание.

Медленно отворилась низенькая калиточка, и сквозь нее проскользнула во двор высокая худощавая фигура. Это был парень, одетый во все поношенное, в затрапезном картузе, надвинутом на глаза. Продравшись сквозь колючие ветки смородиновых кустов, он осторожно двинулся вдоль забора, не страшась даже высокой крапивы. Ангелина не сразу сообразила, что он намерен пробраться в дом тайком.

Да это какой-то воришка норовит воспользоваться бальной суматохой и поживиться! И направляется он к заднему крыльцу, а лакей, впустив баб с узлами, не запер дверей!

Ангелина бесшумно побежала по коридору, надеясь успеть опустить засов прежде, чем вор войдет в дом, как вдруг слуха ее достигли два слова, которые, как никакие другие в мире, способны были вышибить из ее головы все прочие заботы: «Лодка-самолетка».

* * *

– Эту летательную машину, это чудо человеческого гения русские называют «лодка-самолетка».

Говорили по-французски, однако последние слова произнесены были по-русски, с акцентом, но вполне разборчиво! Ангелина так и припала к дверям.

– Вы ее видели? – спросил другой мужской голос.

– Мне удалось увидеть сие великое изобретение еще в Воронцове. Я случайно встретил в Москве Франца Леппиха и стал наводить справки. Выяснил, что он называет себя доктором Шмидтом и живет под Москвою, где возглавляет фабрику земледельческих орудий. Ну а в Москве Шмидт будто бы появился, чтобы забрать свой заказ с фабрики Кирьякова: пять тысяч аршин тафты.

– Что? – засмеялся женский голос, по которому Ангелина без труда узнала маркизу д'Антраге. – Пять тысяч аршин тафты для сельскохозяйственных орудий?! Плуги под парусом? Нонсенс!

– Вы столь же умны, сколь очаровательны, сударыня, – ответил тот же мужской голос. – Эта нелепость поразила и меня. Я не мог забыть того разговора Леппиха с императором, при коем присутствовал: изобретатель уверял, что для воздушного шара ему необходимы именно пять тысяч аршин тафты.

«С императором? – глухо стукнуло сердце Ангелины. – О Господи Всеблагий, да уж не с Наполеоном ли Бонапартом?! Но каким образом здесь мог очутиться человек, который накоротке с этим супостатом?!»

– Словом, я ринулся в Воронцово, – продолжал рассказчик, и Ангелина вся обратилась в слух. – Никакой фабрики земледельческих орудий там, разумеется, не было. Мне удалось дознаться, что здесь находится секретная фабрика для изготовления новоизобретенных пушечных снарядов, и ее охранял сначала полицейский унтер-офицер с шестью солдатами, а потом стража была многожды усилена.

– Даже и эти сведения, месье Ламираль, могли быть бесконечно полезны императору, – сказала маркиза. – Вы же совершили истинное чудо!

– Да уж, – поддакнул новый мужской голос: пронзительный, неприятный. – Не будь я Пьер де Сен-Венсан! Услышав имя Леппиха, император сначала не мог сдержать усмешки. «Что? Сумасшедший немец Франц Леппих? – воскликнул он. – Безумец, получивший в британских войсках чин капитана? Он хочет завоевать мир, но для этого, пожалуй, надо быть только капралом! [24 - Наполеон сам начинал с этого звания, его так всю жизнь и называли в шутку – «маленький капрал».] Он и мне досаждал своими бреднями, да я выгнал его. Леппих переметнулся в Германию и обратился к русскому посланнику при штутгартском дворе, предложив свои услуги России. Неужели Александр клюнул на эту приманку?!» Такова была первая реакция императора, но ваше новое донесение повергло его в шок.

– Да, Леппих оказался человеком, устремленным к воплощению своих химерических замыслов. Его увлеченностью двигался сей проект и трудолюбием русских, следует отдать им должное! Когда мне удалось добыть копию описания «Леппихова детища», как называл его Ростопчин в секретном письме государю, я был вне себя от бешенства. Как мог император оказаться таким недалёковидным!

Маркиза д'Антраге осуждающе вскрикнула, а чей-то тяжелый голос, еще не слышанный Ангелиной, произнес с угрозой:

– Придержите язык, Ламираль! Порочить великое имя я вам не позволю!

– Не позволите? – истерично выкрикнул тот. – Да кто вы такой, Моршан? Грязный доносчик, шпион! Вы не давали хода моей информации, зная, что император не сможет оставить ее без внимания, а значит, обратит благосклонный взор на меня. Это было вам нестерпимо! Будь ваша воля, император и по нынешний день

не узнал бы о новом оружии, пока зажигательные снаряды с летательной машины Леппиха не посыпались бы на Париж!

- Все это сказки! Сказки русских старух! - заносчиво пробурчал Моршан.

Какое-то мгновение царила тишина, потом маркиза холодно произнесла:

- Не будьте идиотом, Моршан!

- Сударыня! - рыкнул тот. - Благодарите Господа, что вы принадлежите к слабому полу...

Он не договорил - его перебил Ламираль:

- Роскошный помещичий дом в селе Воронцове был превращен в мастерские. Перед окнами висела раззолоченная гондола и расписные крылья. Я видел это. Видел, как осторожно наполняли горячим воздухом огромный шар. Движением крыльев его можно было направлять во всякую сторону. Летательная машина могла поднять до сорока человек и ящики с разрывными снарядами...[25 - Попытка сооружения в 1812 г. в подмосковном селе Воронцове летательного аппарата по проекту Франца Леппиха, а после сдачи Москвы эвакуация аэростата в Нижний Новгород - исторический факт (см.: Родных А. История воздухоплавания и летания в России).]

Ламираль говорил еще что-то, но Ангелина уже не слышала.

Так, значит, Меркурий не бредил! И загадочный груз, доставленный несколько дней назад на сотне подвод, не что иное, как чудесная летательная машина. Все эти снаряды, сброшенные с высоты на неприятельскую армию, могли произвести в ней страшное опустошение! Неудивительно, что француз говорит об этом так встревоженно!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Бесштаные» – так гордо именовали себя восставшие парижане во время революции 1789 года.

2

Воистину провинциал! (фр.)

3

Так в старину произносилось слово «отчим».

4

Очень популярный в начале XIX в. роман г-жи Суза.

5

Доломан – гусарская куртка, на которую накидывают ментик – верхнюю куртку, ее носили обычно на одном плече со свисавшими рукавами.

6

Аргмак – старинное название верховых лошадей самых ценных восточных пород (тюрк.).

7

Ищейка, гончая собака.

8

Граф Фабьен де Лоран (фр.).

9

Убийца знаменитого французского короля Генриха IV.

10

Галантному.

11

Вечеринках (фр.).

12

Растеребленная ветошь, ветошные нитки для перевязки ран и язв.

13

Духовное лицо, заведующее ризницею и церковной утварью.

14

Шпионку (фр.).

15

Клянусь честью, ему мерещится черт там, где его нет! (фр.)

16

Кучер мертв! (фр.)

17

Так. Это он! Вытаскивайте его! Быстро! (фр.)

18

Там женщина! (фр.)

19

Женщина?! (фр.)

20

Речь идет о попытке Людовика XVI и Марии-Антуанетты бежать из охваченной революцией Франции в июне 1791 г. Королевская карета была перехвачена в местечке Варенн, король и королева с позором возвращены в Париж.

21

Бог мой! (фр.)

22

Героиня одноименного романа де Сталь.

23

Я вас люблю! Я вас хочу! (фр.)

24

Наполеон сам начинал с этого звания, его так всю жизнь и называли в шутку – «маленький капрал».

25

Попытка сооружения в 1812 г. в подмосковном селе Воронцове летательного аппарата по проекту Франца Леппиха, а после сдачи Москвы эвакуация аэростата в Нижний Новгород – исторический факт (см.: Родных А. История воздухоплавания и летания в России).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/elena-arseneva/knyaz-serdca-moego>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)